

СУВОРОВ

*очерк жизни и деятельности
великого русского полководца*

ВОЕНИЗДАТ • 1938

С. КАЛИНИН

СУВОРОВ

ОЧЕРК ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ВЕЛИКОГО РУССКОГО ПОЛКОВОДЦА

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ

*Государственное Военное Издательство
Наркомата Обороны Союза ССР
Москва — 1938*

С. КАЛИНИН

СУВОРОВ

ОЧЕРК ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ВЕЛИКОГО РУССКОГО ПОЛКОВОДЦА

В кратком очерке автор излагает боевую деятельность гениального русского полководца А. В. Суворова.

Книга предназначена для красноармейцев, курсантов военных училищ, студентов гражданских средних и высших учебных заведений, проходящих военную подготовку, командного и начальствующего состава РККА и гражданских лиц, интересующихся военной историей.

Генералиссимус кн. А. В. Суворов

ВВЕДЕНИЕ

РОССИЯ XVIII ВЕКА

Чтобы лучше понять действия великого русского полководца Александра Васильевича Суворова, необходимо напомнить некоторые моменты из истории России.

XVIII век для России был тяжелым веком. На протяжении его русскому народу пришлось вынести на своих плечах девятнадцать войн, потребовавших в общей сложности **61** года, из которых **25** лет падало на войны со Швецией и **15** — на войны с Турцией.

Все эти войны требовали огромного напряжения сил. Выход русских к Балтийскому морю (войны со Швецией) стоил России **120** тыс. человек убитыми и ранеными и до **500** тыс. человек выбывшими из строя по болезни. Еще больше жертв было принесено за обладание Черноморским побережьем (войны с Турцией).

Всего в войнах за XVIII в. Россия выставила до **5** миллионов человек, а общие потери ее убитыми, ранеными и больными достигли по тому времени колоссальной цифры — **1 400** тыс. человек.

Войны тяжело отразились на силах и средствах русского населения. Не только был задержан рост благосостояния этого населения, но положение основных его групп в результате войн значительно ухудшилось. Миллионы свободных крестьян были розданы помещикам и дворянам. Крепостное право усиливалось. Гнет эксплуатации помещиков становился все более тяжелым. Все это повело к дальнейшему экономическому отставанию России от Западной Европы.

Промышленность, несмотря на большие старания Петра I, была по тому времени слабо развита. К концу царствования Петра I — **1725** г. — в России было только **195** фабрик и заводов. Фабрики были типичными крепостными мануфактурами, основанными на применении ручного труда. Механизация была представлена использованием водяной силы, по принципу мельниц. Чтобы судить об уровне про-

изводства, достаточно указать, что весь Урал в 1723 г. выпускал 1,5 тыс. *t* чугуна и около 500 *t* железа в год,— это меньше того количества, которое нашими советскими заводами выпускается сейчас в один час.

К 1796 г. количество промышленных предприятий возросло до 1 161. За 70 лет число фабрик и заводов в России увеличилось в шесть раз. Нужно ли говорить, что это далеко не те темпы, которые требовались России.

До Петра I вооруженные силы России главным образом составлялись из ополчения, которое набиралось во время войны из дворян и их крепостных. Ничтожное количество постоянных войск появилось в самые последние годы перед петровской эпохой. Это так называемые войска иноземного строя — рейтарские, драгунские и солдатские.

Реформы Петра I в первую очередь коснулись вооруженных сил. Была создана постоянная армия, набираемая от общин. Способ комплектования армии, введенный Петром, продержался весь XVIII в., причем вначале служба в армии была пожизненной; в середине XVIII в. она была ограничена 25 годами. Дворяне при Петре I обязывались поголовно служить в армии, постепенно они освобождались от этой обязанности, перекладывая тяготы армейской повинности на другие классы, в частности на крестьян.

Частые и напряженные войны вынуждали из года в год увеличивать армию. Рост ее на протяжении XVIII в. виден из следующей таблицы.

	Полевые войска					Гарнизонные войска			Ландмилиция			Организованные войска	Всего	
	пехота	кавалерия	артиллерия	инженерные войска	итого	пехота	кавалерия	итого	пехота	кавалерия	итого			
в т ы с я ч а х ч е л о в е к														
1700 г. } Петр I	48,5	2,5	0,1	—	51								5	56
1725 г. }	79,5	38	4,5	—	122	65	5	70	—	6	6		6	203
1739 г. (Анна)	83,5	39,5	5,5	0,5	129	63,5	9	72,5	3,5	24	27,5		19	248
1761 г. (Елизавета)	129,5	44	8,5	1	183	64	9	73	1,5	26	27,5		36	319,5
1796 г. (Екатерина II) . .	275	70,5	21,5	1,5	368,5	95		95					40	503,5
1800 г. (Павел)	204	45	25	2,8	277	77,5	—	77,5	—	—	—		47	401,5

В то время как население России за XVIII в. возросло в три раза, армия её увеличилась в 8—9 раз. Две трети доходов государства на протяжении XVIII в. уходили на содержание армии.

Необходим ли более яркий показатель того огромного напряжения, какое вынес русский народ на протяжении XVIII в.?

Количественный рост армии шел параллельно с её качественным ростом.

Войны с Швецией Карла XII и Пруссией Фридриха II явились хорошей школой для русской армии. Если в начале века Петр I должен был за плохую военную выучку русских дорого платить кровью своих бойцов, если потери русских превосходили в три-четыре раза шведские, то в конце века русские уже наносили противникам неизмеримо большие потери, чем несли сами в сражениях с ними. Даже лучшая по тому времени французская армия при всех столкновениях с русскими несла более значительные потери, чем они. В конце XVIII в. русская армия Суворовской выучкой и его победами была поднята на небывалую высоту; она стояла в ряду лучших армий всего мира. Недаром одно упоминание имени Суворова зажигало бойцов такой верой в победу, что не было препятствий, способных остановить победную поступь его «чудо-богатырей».

Именем Суворова может гордиться наша страна. Она ставит его в ряду великих имен прошлого, которые обеспечили русскому народу его мировую известность и славу.

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ СУВОРОВА

Александр Васильевич Суворов происходил из дворянского небогатого рода. Отец его, Василий Иванович, начал службу при Петре I в качестве денщика и переводчика: при Екатерине I был выпущен лейб-гвардии бомбардир-сержантом, потом перешел прапорщиком в Преображенский полк, где дослужился до капитана. Свою службу закончил генерал-аншефом.

Василий Иванович считался одним из образованнейших офицеров того времени, был большим знатоком инженерного дела. Занимался переводом на русский язык иностранных военных книг. Он был женат на Авдотье Федосеевне Мануковой, от брака с которой через 4 года после смерти Петра I, в 1729 г. родился будущий герой, генерал-лиссимус русской армии, Александр Васильевич Суворов.

Детские годы Суворова протекали среди тихой деревенской обстановки имения Кончанского (37 км от с. Боровичи б. Новгородской губернии).

В то время дворянам предоставлялось право записывать своих сыновей на военную службу со дня их рождения. Такой обычай установился с Петра I, который требовал, чтобы каждый дворянин начинал военную службу с солдата. Знатные люди обходили это требование тем, что записывали, своих сыновей в полки с детства. Не служа в армии, их дети часто получали офицерские чины еще в колыбели.

Будущий великий полководец родился хилым и тщедушным; отец, опасаясь за здоровье своего сына, не записал его в полк. Маленький Александр был мал ростом, худ, хил, плохо сложен и некрасив. С этими качествами трудно было сделать военную карьеру.

Учился маленький Суворов успешно. Особенно легко ему давались иностранные языки. Он хорошо изучил французский, немецкий, польский и итальянский языки, что

дало ему возможность в подлинниках читать иностранную литературу. Русской литературы тогда почти не существовало, и чтение иностранных книг было единственным средством, расширяющим кругозор любознательного мальчика.

Как только Суворов одолел начальную грамоту, он страстился к чтению военных книг. У его отца по тому времени была богатая библиотека, и Суворов усердно поглощал собранные в ней произведения. В доме Василия Ивановича среди гостей часто бывал сосед по имению генерал Аннибал Абрам Петрович, прадед великого поэта Пушкина, Аннибал и Суворов часто долгие зимние вечера проводили в воспоминаниях о великих делах Петра I. Эти разговоры и чтение книг распалили в восприимчивом мальчишке жажду к подвигам. Природные дарования и страсть к чтению сделали своё дело. Одиннадцати лет Суворов знал больше, чем многие взрослые. Ему в подробностях были известны великие походы Александра Македонского, Ганнибала, Юлия Цезаря и других великих полководцев прошлого.

В своих действиях он старался подражать им. Часто целыми часами он оставался под проливным дождем или в легонькой одежонке на морозе. На замечания старших отвечал: «Солдату не положено нежиться».

Иногда пропадал целыми днями в лесу, любил одиночество, жил в мечтах.

В его детской комнате поражало обилие книг, собранных там глобусов, географических карт, планов сражений и пр. Часто мальчика можно было застать углубленным в эти карты, изучающим планы великих сражений.

Отец Суворова не сочувствовал наклонностям сына и думал определить его на гражданскую службу.

Но судьба мальчика решилась неожиданно против желаний его отца. Об этом биографы Суворова рассказывают так.

Как-то летом в доме Суворовых собралось много гостей. Среди них непременно Аннибал.

— А где же Саша? — был его первый вопрос.

— Он опять дичится, — ответили ему. — Вероятно, забился опять к своим глобусам и картам.

За разговорами гостей Аннибал незаметно пробрался наверх и заглянул в комнату Саши. Он нашел мальчика распластанным на полу, на разложенных на нем картах, углубленного в книгу. Он не заметил, как к нему вошли.

ПЕРВЫЕ ПОДВИГИ

Из короткого разговора и маленького экзамена, который Аннибал тут же учинил Саше, он пришел к выводу, что нельзя препятствовать мальчику развивать в себе те способности, которыми он так богато одарен. Тут же настоятельно он посоветовал отцу Суворова определить своего сына на военную службу.

— Он пойдет дальше нас с тобой, — говорил он старику Суворову. — И здоровье его не так уж плохо, как ты себе представляешь. Грешно удерживать его от любимых занятий.

Совет Аннибала повлиял на отца Суворова, и в следующем, 1742 г. Александр Васильевич был записан рядовым в лейб-гвардии Семеновский полк. Три года потом он прожил еще дома. На 16-м же году твердо заявил отцу, что ему пора учиться военному делу на практике, и перешел на действительную службу в полк.

В то время как богатые сверстники Суворова видели в военных упражнениях одну потеху, занятие от нечего делать, Суворов с особой любовью и свойственным ему прилежанием взялся за солдатскую науку. Он на своей спине вынес всю тяжесть солдатского житья. Упорной работой над собой закалил свое от природы незавидное здоровье настолько, что потом в продолжение всей своей жизни легче других выносил тяжелые походы. Живя 9 лет в казарме вместе с солдатами, он вместе с ними производил все работы и даже такие, которые ему делать не полагалось. Никогда не уклонялся от тяжелых нарядов, часто сам напрашивался на более трудные виды работы. «Научись повиноваться, прежде чем будешь повелевать другими», говорил Суворов. И он упорно изучал солдатскую службу. Не было такого дела в армии, которого Суворов не мог бы выполнить. Он изучал пехотное, артиллерийское и кавалерийское дело. Был лихим солдатом и хорошим рубаккой.

Что особенно ценно в Суворове, это то, что за долгую совместную жизнь с солдатом он хорошо изучил его характер и нужды. Научился говорить солдатским языком. Недаром впоследствии от немногих его слов вспыхивало и ярко горело солдатское сердце.

Свободное от занятий время Суворов посвящал наукам, преимущественно военной истории. Служебные обязанности выполнял с необыкновенным усердием и педантичностью.

Девять лет провел Суворов солдатом и в унтер-офицерском звании и лишь в 1754 г. был выпущен поручиком в полевые войска. Первый офицерский чин получил он, имея 26 лет. Его сверстники из знати в это время были уже штаб-офицерами и генералами. Дорого Суворову достался офицерский чин. Это наложило свою печать на всю его

жизнь. Мы увидим потом, как старшинство, которого тогда держались строго, причинит Суворову немало неприятностей. Понадобятся сверхчеловеческие подвиги и исключительные заслуги, чтобы выбиться из самых низов

Унтер-офицеры армейской пехоты
(1756 — 1762)

и заставить заговорить о себе верхи, кичащиеся породой и чинами.

В 1759—1761 гг. Суворову довелось участвовать в Семилетней войне. К этому времени он был уже штаб-офицером.

14 августа 1759 г., на тридцатом году жизни, произошло первое боевое крещение Суворова под Куннерсдорфом.

Дальнейшие действия Суворова в этой войне — это сплошной подвиг, необыкновенная храбрость и исключительные находчивость и хладнокровие.

Приведем примеры.

Когда русские войска осадили Кольберг, на помощь ему Фридрих II послал отличного генерала Платена с задачей тревожить русский осадный корпус.

Узнав об этом, Суворов с сотней казаков поскакал навстречу Платену. За одну ночь прошли около 40 километров. На рассвете подъехали к реке.

— Вперед! — Крикнул Суворов, и сам первым бросился в воду. Вслед за ним переправились вплавь и казаки. Невдалеке был город Ландсберг.

— Город наш! — крикнул Суворов. — Ура!

— Но в городе пруссаки, — пытались остановить Суворова.

— Помилуй бог, как хорошо, — ответил Суворов. — Их-то мы и ищем.

— Не прикажете ли узнать, сколько их?

— Зачем? Мы пришли их бить, а не считать.

Построив свой отряд и крикнув: «Марш! Марш!» — полетели в город. С криком и пальбой казаки ворвались в него. Неожиданное нападение ошеломило прусских гусар, находившихся в городе; они без боя сдались, несмотря на огромное превосходство.

Другой случай. В одном сражении русские гусары и конные гренадеры не выдержали натиска пруссаков и обратились в бегство.

Откуда ни возьмись, среди них появился Суворов.

— Стой! Стой! Куда вы? — закричал он. — Я здесь!

Отступление остановилось.

— Стройся! — скомандовал Суворов, и отряд во главе с Суворовым вновь ринулся вперед. Пруссаки не выдержали и отступили.

За три года, проведенных Суворовым в Семилетней войне, он участвовал не менее как в 10 боях и лихих набегах, в том числе в набеге на Берлин; был дважды ранен. Все бои, которые вел Суворов в эту войну, отличались лихостью, внезапными нападениями, искусством маневрирования и решительностью в доведении задуманного плана боя до конца. Всюду Суворов неизменно побеждал, часто имея против себя превосходные силы противника.

Суворов уже в эту первую для него войну заставил говорить о себе. Во всей армии не было человека, который бы не знал Суворова, Среди войск только и было разговоров о его лихих подвигах. Суворов был отмечен как лихой кавалерист и отличный штабной командир.

За свои заслуги в Семилетнюю войну он на **34-м** году жизни был произведен в полковники.

ПОХОД В ПОЛЬШУ

Сильное впечатление произвела на Суворова Семилетняя война. Русские войска отличались необыкновенной стойкостью. Храбрости и беззаветной преданности, кажется, не было предела. Однако, остальное все и особенно хозяйственная часть войск были в запущенном виде. Получив полк, Суворов начал его обучать и перестраивать на свой, суворовский лад.

Он не поддался слепому подражанию пруссакам. Главная цель, которую поставил себе Суворов, — это обучить полк только тому, что нужно на войне, и так, чтобы его полк никогда и ничем не был озадачен.

Тишина в строю, быстрота перестроений, порядок ведения огня были главными требованиями Суворова, Частые тревоги, марши по несколько суток попеременно днем и ночью, без дорог, через леса, холмы и овраги, через реки вброд и вплавь приучали полк Суворова к обстановке походной и боевой жизни.

Учения проходили живо и интересно. Каждое учение обязательно заканчивалось штыковым боем. После учения — разбор, на котором Суворов высказывал свои требования всегда идти навстречу опасности, всегда наступать и никогда не отступать перед противником.

Суворов первый из полководцев поставил требование, чтобы каждый солдат понимал свой маневр; он умел это требование доводить до солдат,

В **1768** г. в Польше началась конфедератская война, поднятая враждебными России партиями. Для пополнения военных сил, уже находившихся в то время в Польше под начальством генерала Веймарна, было послано шесть полков. Суворов в чине бригадира с Суздальским полком и двумя эскадронами в ноябре по бездорожью за **30** дней прошел более **900** километров от Ладоги до Смоленска, не имея ни одного отставшего.

Это были первые плоды его разумной учебы.

Зиму Суворов провел в Смоленске. Здесь он усиленно обучал войска к предстоящим действиям. Ночью, в трескучий мороз, Суворов водил полк то отражать нападение

Фузилер артиллерийского полка
(1757)

«неприятеля», то делал сам неожиданные нападения на него.

Наступила весна. Суворов двинулся на Варшаву. 650 км от Минска до Варшавы он проделал в 12 дней, пользуясь в дороге подводами. Своими быстрыми переходами, внезапными и стремительными атаками он одержал блестящие

победы над встречавшимися ему неприятельскими войсками.

Блестящий пример внезапности и стремительности нападения представляет сражение под Ланцкороной.

Польский генерал Пулавский с 4 тыс. поляков расположился на очень выгодной местности. В качестве советника при нем был французский генерал Дюмурье. Суворов имел около 3,5 тыс. человек при 8 орудиях. 10 мая неожиданно Суворов напал на конфедератов. Сражение длилось всего полтора часа, Конница дерзко врубилась во фланг противника, главные силы стремительным натиском довершили победу.

Ланцкоронское поражение произвело тяжелое впечатление на польских конфедератов. Дюмурье сразу после этого уехал во Францию.

Суворов об этом деле писал: «Поражение неприятеля под Ланцкороной произошло от хитрых маневров и французской запутанности, коею мы и воспользовались; они (маневры) хороши для красоты в реляциях... Неприятелю времени давать не должно, пользоваться сколь можно его наименьшей ошибкой и брать его всегда смело с слабой стороны; но надлежит, чтобы войска предводителя своего разумели».

Еще более богата, была результатами Столовичская победа, одержанная Суворовым в темную ночь, после продолжительного перехода с силами в пять раз меньшими, чем у неприятеля.

Гетман литовский граф Огинский открыл в Литве военные действия. Веймарн запретил Суворову отлучаться из Люблина до распоряжения; рекомендовалось только установить наблюдение за Огинским. Однако, Суворов счел необходимым скорее покончить с ним. Донес Веймарну: «Пушка выстрелила, Суворов пошел в поход». За 4 дня проделав 215 км, он у Несвижа узнал, что Огинский имеет 4—5 тыс. бойцов в районе м. Столовичи. Суворов, имея всего 820 человек, решил взять внезапно и атаковать Огинского ночью. Бой был упорный; лишь к 11 час. удалось сломить упорство поляков.

Столовичский поход сделал имя Суворова известным за границы.

Фридрих II советовал полякам остерегаться его.

В донесении Веймарну о Столовичском бое Суворов писал: «Как солдат — я заслуживаю наказания и отдаю вам свою шпагу. Как русский — я исполнил свой долг, уничто-

жив силы конфедератов, которых мы не могли бы одолеть, когда бы дали им время соединиться».

Веймарн послал в Военную Коллегию донос на самовольство Суворова. Но вместо суда, как того ожидал Вей-

Мушкетерские обер-офицеры армейской пехоты
(1656 — 1762)

марн, Суворов был награжден орденом Александра Невского.

В 1772 г. Веймарна сменил Бибиков. Решено было покончить с конфедератами, отобрать у них укрепления, разбить живую силу.

По заданию командования Суворов двинулся к Кракову, осадил замок, частично разрушил его артиллерийским ог-

нем и, произведя в городе пожары, предложил жителям сдать. Требование Суворова было немедленно исполнено.

В польской кампании нас поражает быстрота движений Суворова и стремительность его нападений.

40—60 км были обычными его переходами, а часто Суворов делал по 90 км в сутки. В результате, внезапность появления в сочетании со стремительными ударами по противнику неизменно обеспечивали ему победу.

«Удивить — победить», говорил Суворов.

«Быстрота и внезапность заменяют число» — было его правилом.

Неожиданность действий Суворова делала его загадкой для современников. Француз Дюмурье упрекал Суворова за Ланцкорону, говоря, что он мог быть там разбит по частям.

Поляки утверждали, что Суворов не имеет представления о военном деле. «Ему только с медведями воевать», отзывались они о нем презрительно. «Бывало, займешь позицию, ждешь русских с фронта, а он появляется либо с тыла, либо бьет во фланг. Мы разбежались более от внезапности, нежели от поражения», говорили они.

Нужно ли говорить, кто был прав и кто лучше знал военное дело? Не только противники Суворова за границей, но и в России многие не понимали его. Веймарн часто упрекал Суворова в незнании тактики. Однажды Суворов на это едко ответил ему: «Что ж делать, мы уж такие: без тактики и практики, а неприятеля бьем».

На выговор Веймарна за изнурение солдат чрезмерной быстротой переходов Суворов ответил: «Римляне еще скорее нас ходили, читайте Цезаря».

Слава Суворова росла, число завистников его также росло. Успехи Суворова старались приписывать не искусству, а счастью. «Сегодня счастье, завтра счастье. Надобно же когда-нибудь и уменье», отвечал Суворов.

СУВОРОВ В ВОЙНЕ С ТУРЦИЕЙ 1773—1774 гг.

В 1773 г. Суворов был послан к Румянцеву для участия в войне с турками. В первых числах мая он прибыл в Яссы. Румянцев холодно встретил Суворова, считая его выскочкой. В командование Суворову дали маленький отряд, который был расположен на Дунае против маленького турецкого городка Туртукая. «Выскочка», имея за спиной подвиги двух войн, на 44-м году жизни получает маленький отряд в дивизии графа Салтыкова.

Прибыв к отряду, Суворов стал немедленно готовиться к переправе через Дунай. Первая попытка была неудачна. Турки заметили приготовления и в первую же ночь сами, бесшумно переплыв Дунай, напали на передовой русский отряд. Сам Суворов, бывший впереди, едва не погиб. Но первое замешательство скоро прошло. Русские быстро оправались и опрокинули неприятеля.

После этого Суворов получил приказ оставить пока Туртукай и не подвергать войска явной опасности. Суворов, хорошо изучив местность и будучи уверен в победе, решил поступить самостоятельно.

В ночь на 23 мая конница вплавь, пехота на лодках переправились через Дунай. Неприятель открыл из прибрежной батареи огонь, однако, к берегу удалось пристать благополучно. Суворов построил свой маленький отряд в две колонны, их движение прикрыл стрелками, выделил поддержку и направился в сторону турок. Построение колонн Суворовым явилось новостью в эту войну. К 4 час. все было кончено. Турки бежали, потеряв 6 знамен, 16 орудий, 30 судов, много лодок и более тысячи человек убитыми и ранеными. Потери русских были — 88 человек убитыми и ранеными.

Суворов тут же, примостившись на барабане, писал после боя донесение. Оно было очень коротко:

«Слава богу, слава вам,
Туртукай взят и я там».

Румянцева донесение Суворова привело в бешенство. За самовольные действия Румянцев сместил Суворова с должности и предал его суду.

Военная Коллегия вынесла смертный приговор герою Туртукая. Но приговор не был утвержден царицей. «Победителя не судят», наложила она резолюцию на постановление Военной Коллегии. Более того, за храбрость и мужество, проявленные Суворовым под Туртукаем, он был награжден орденом Георгия.

Через некоторое время Суворов, будучи больным лихорадкой, получил приказ Румянцева сделать второй поиск на Туртукай. Невзирая на слабость здоровья, в ночь на 30 июня Суворов произвел второе нападение на Туртукай. В распоряжении Суворова в это время было 3 тыс. человек, в том числе около 700 человек плохо обученных.

Приказ, отданный Суворовым для боя, был прост: «Командиры частей в колонне ни о чем не докладывают, а действуют сами собой с поспешностью и благоразумием».

К рассвету турки были обращены в бегство, оставив 14 орудий, 35 судов, около тысячи человек убитых и раненых. Потери русских — около 100 человек,

В этом бою Суворов проявил исключительную силу воли. Истощенный лихорадкой, он двигался с помощью двух человек. Для повторения приказаний, которые больной Суворов подавал слабым голосом, при нем находился особый офицер. Но тем не менее эти приказания были тверды и решительны. Они требовали движения вперед и не допускали никакой уступки противнику ни в чем. «Если сказано — вперед, так я не знаю, что такое усталость, холод и голод...», говорил Суворов.

Для Суворова и его солдат середины не было. Либо победа, либо смерть. Все это знали и действовали всегда с крайней решительностью.

Отметим третий подвиг Суворова в этой войне — у Гирсова. Гирсово было единственным пунктом, которым владели русские на правом берегу Дуная. Этот пункт нужно было удержать во что бы то ни стало. Суворов был назначен туда для этой цели. Прибыв к Гирсову, он очутился в очень опасном положении, будучи с трех сторон окружен

врагами. Но это мало смущало Суворова, — он не знал, что такое опасность.

16 сентября турки силою около 12 тыс. человек двинулись на Гирсово. У Суворова было всего 3 тыс. человек,

Штаб-офицер армейской пехоты
(1756 — 1762)

в том числе несколько сотен казаков. Всю ночь Суворов провел без сна, изучая позицию неприятеля. Рано утром он отдал приказ своим передним рядам — подпустить турок как можно ближе, отбиваясь от них лишь слегка. Хитрость удалась. Турки, видя, что русские отступают, бешено бросились вперед, но у главной позиции были встречены убий-

ственным огнем. В это время две скрытые от противника колонны бросились на него с флангов в штыки. Удар был рассчитан верно. Турки не выдержали и в беспорядке обратились в бегство. 30 км преследовал бегущих Суворов. Потери турок достигли 1 100 человек; у русских они были ничтожны. Вся операция была проведена образцово. Армия с большой радостью встретила эту победу.

После победы у Гирсова Суворов был подчинен генералу Каменскому. Это подчинение являлось результатом определенного нерасположения Румянцева к Суворову. Каменский был только на год старше Суворова по производству в генералы, но зато в активе Суворова был целый ряд блистательных побед, которых не было у Каменского. Между Суворовым и Каменским сразу установились недружелюбные отношения, так как Каменский определенно завидовал Суворову. Это не замедлило дать свои отрицательные результаты. По общему плану Каменский и Суворов должны были наступать к Базарджику и далее к Шумле. Наступление привело к встречному бою у Козлуджи, в котором Суворов, не дожидаясь Каменского, обрушился с своим отрядом в 8 тыс. человек на 40 тыс. турок. Под сокрушительным натиском отряда Суворова передовые части турок не выдержали и обратились в паническое бегство. Но крепко держались главные силы. Загорелся жаркий бой. Как только Суворов открыл из своих 10 орудий огонь по туркам, все 40 тыс. их в ужасе бросились в бегство.

Суворову в результате этого боя досталось 29 орудий, 27 знамен и тысяча пленных. Потери убитыми и ранеными у турок достигали тысячи человек.

Блистательная победа при Козлудже совершенно изменила весь ход войны. Турки пали духом и вскоре склонились к миру. Но Суворов нажил себе заклятого врага в лице Каменского, который в этом деле как раз не проявил никаких талантов.

10 июля 1774 г. в Кчук-Кайнарджи, главной квартире Румянцева, был заключен мир с турками.

Россия по этому миру приобрела Азов, Керчь, Кинбурн, всю степь между Днепром и Бугом. Кроме того, получила право свободного плаванья по Черному морю и Дарданельскому проливу.

КИНБУРН

26 сентября 1783 г. Турция вновь объявила войну России. Поводом послужило присоединение к России Крыма. Пользуясь неподготовленностью России к войне, турки решили овладеть крепостью Кинбурн, которая затрудняла вход в Днепр и нарушала прямое сообщение турок с Крымом. На рассвете турки обстреляли крепость, а в 9 час. к западной оконечности Кинбурнской косы подошел турецкий флот и приступил к высадке десанта из 6 тыс. янычар.

У Суворова в Кинбурне и окрестностях было до 3 тыс. человек. На огонь судов Суворов приказал не отвечать, а когда ему доложили о высадке, он также приказал не мешать туркам: «Пусть все вылезут». Однако, войскам, расположенным в окрестностях Кинбурна, приказано было спешить к нему.

Высадившись под руководством иностранных специалистов, янычары принялись быстро рыть окопы и ставить рогатки, а суда, чтобы не было соблазна отступить, отвели в море.

Предстоял первый бой. Для обеих сторон очень важно было обеспечить себе в нем успех. Турки в два раза превосходили русских по численности, но во главе последних стоял Суворов.

Турки вырыли 15 рядов окопов и методически подвигались к крепости. Они были от нее всего в 1 км. Суворов имеющиеся у него части — 6 батальонов и 5 рот — построил в две линии, в шахматном порядке; конницу поставил уступом за пехотой. В 15 час. 14 октября передовые части турок подошли на 150 м к русским. Последние дали залп из всех орудий, а первая линия батальонов, поддер-

жанная двумя казачьими полками и двумя эскадронами драгун, бросилась на турок и уничтожила их авангард.

Затем, несмотря на огонь 600 орудий с моря, первая линия генерала Река овладела десятью рядами турецких око-

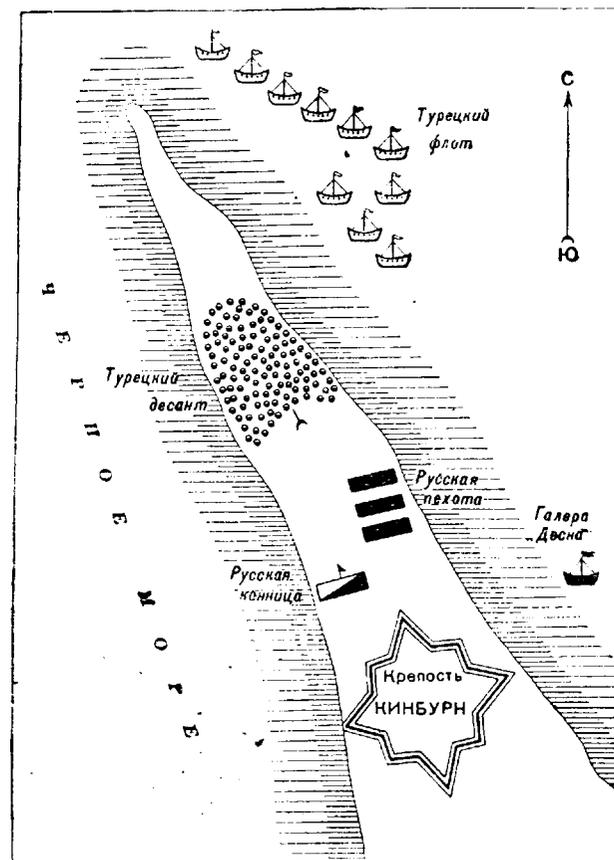

Схема боя под Кинбурном 14 октября 1787 г.

пов, но принуждена была остановиться, — коса сузилась, и сопротивление турок возросло. Суворов ввел в бой вторую линию батальонов, но янычары опрокинули ее и снова овладели своими окопами. Сам Суворов, как всегда, был в передних рядах. В самом начале боя под ним была убита лошадь; Суворов упал; турки бросились на него, пытаясь

¹ Отборные войска турецкого султана.

Бой у Кинбурна

взять в плен, но несколько солдат с криками «Братцы, спасайте генерала!» — отбили турок, и атака возобновилась с большей силой. Второй раз окопы стали переходить один за другим в руки суворовских войск, но в это время, пуля пробила левую руку Суворова, и он должен был покинуть поле боя, но только на самое короткое время. Обмыв себя морской водой и перевязав рану рукавом рубашки, он снова появился среди сражающихся. Новое ранение — картечью в грудь. Суворов теряет сознание. Кажется, все было потеряно. Но он вскоре приходит в себя; поддерживаемый под руки, руководит сражением, бросая в бой последний свой резерв — 4 роты. Турки также напрягали последние свои усилия. Успех боя как будто стал склоняться на их сторону, но в это время на выручку русских подоспела легкоконная бригада, проделав 36 км пути. Свежие войска пошли в атаку бурным темпом. Турки не выдержали и были разбиты наголову. Только около 500 человек у них спаслось бегством на кораблях. Потери русских в этом сражении достигли 1 000 человек убитыми и ранеными.

Победа под Кинбурном — следствие отличного руководства боем со стороны Суворова. Необыкновенная настойчивость Суворова и доблесть подчиненных ему войск обеспечили этот успех. Поражение под Кинбурном произвело тяжелое впечатление на Турцию. Это была крупная неудача, после которой продолжение борьбы казалось невозможным. Под Кинбурном ведь сражались лучшие турецкие войска — янычары. Солдаты Суворова распевали сложную ими песню:

«Наша Кинбурнска коса вскрыла первы чудеса...»

Сам Суворов со всей серьезностью оценивал свой крупный успех под Кинбурном. В донесении об этой победе он писал: «Турки были молодцы, с такими я еще не дрался».

В письме к своей дочери — воспитаннице Смольного института — Он сообщал: «У нас была драка посильнее той, когда вы друг друга дерете за уши. И как мы танцевали: в боку картеча, на руке от пули дырочка, да подо мною лошади мордочку оторвало. То-то была комедия, — насилу через 8 часов с театра отпустили...».

ФОКШАНЫ

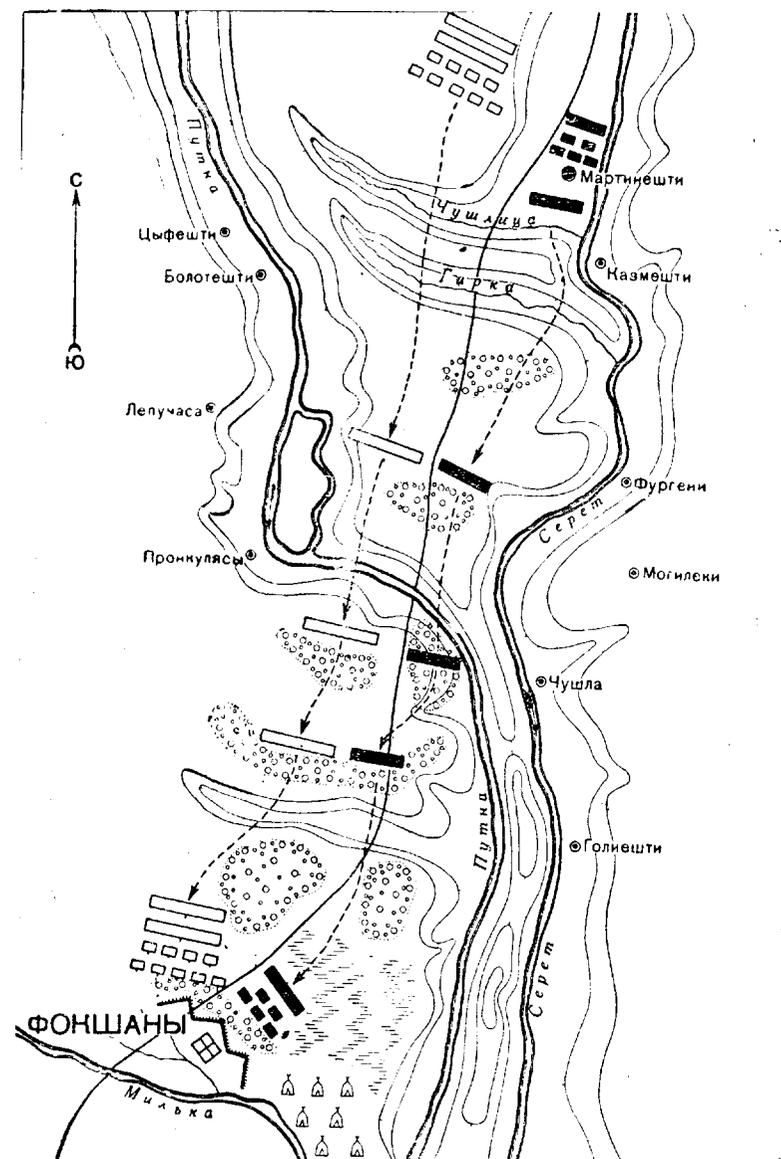
Война о турками продолжалась. В этой войне союзниками русских были австрийцы.

В июле 1789 г. Суворов во главе 3-й дивизии находился в Бырлате, в 100 км южнее Ясс, в пределах нынешней Румынии. 3-я дивизия состояла из 5 полков пехоты, 8 полков конницы и 30 орудий полковой артиллерии. Дивизия Суворова составляла крайний правый фланг русской армии.

Суворов явился ближайшим соседом только что прибывших 18 тыс. австрийцев под командованием принца Кобургского. Невыгодное положение выдвинутого далеко вперед передового отряда искупалось тем, что во главе его стоял Суворов. Он имел перед собой грозного противника, который мог подавить его своим численным превосходством. Дела шли вяло. Назначенный верховным главнокомандующим Потемкин бездействовал. Учитывая сложившуюся на фронте обстановку, турки решили быстро двинуться на австрийцев, разбить их и, одержав победу над одним союзником, всеми силами потом обрушиться на русских.

Верховный визирь, главнокомандующий турецкими войсками, имея свои главные силы сосредоточенными на Нижнем Дунае, отрядил от Браилова и Силистрии сераскира Мустафу и Осман-пашу с 30 тыс. человек к Фокшанам для дальнейшего наступления на союзников со стороны Серета. Расчет был неверен. Если бы турки устремились сперва на отряд Суворова, то принц Кобургский вряд ли пришел бы ему на поддержку. Теперь же движение турок прямо на австрийцев вывело принца из пассивного состояния и заставило его настоятельно просить Суворова спешить к нему на помощь.

Суворов оставил в Бырлате часть своих сил, с остальными (7 тыс. человек) немедленно выступил в поход, известив принца запиской: «Иду. Суворов».

План сражения при Фокшанах 3 августа 1789 г.

Пройдя в **28** часов **50 км** по очень скверной дороге, Суворов прибыл к австрийцам в **22** часа **30** июля так неожиданно, что Кобург только тогда поверил, когда своими глазами увидел русских.

Весь день **31** июля пошел на наводку мостов через р. Тротуш. Войска Суворова хорошо отдохнули. Утром принц просил свидания с Суворовым. Тот ответил уклончиво. Второму посланному ответили, что Суворов богу молится, третьему — что он спит.

Свидание так и не состоялось.

В **11** час. Суворов послал принцу записку: «Войска выступают в **2** часа ночи тремя колоннами, среднюю составляют русские. Неприятеля атаковать всеми силами, не занимаясь мелкими поисками вправо и влево, чтобы на заре прибыть к р. Путне, которую перейти, продолжая атаку. Говорят, что перед нами турок тысяч **50**, а другие **50** — дальше. Жаль, что они не вместе, лучше было бы покончить с ними разом».

Рассуждать было некогда. Принц понял, почему его не принимал Суворов; невольно приходилось подчиниться ему, хотя Кобург был и старше.

Выступили в ночь на **1** августа. За р. Тротуш перестроились в две колонны: западнее — австрийцы, восточнее русские. Впереди русских, чтобы скрыть их прибытие, шла конница.

Утром **2** августа продолжали движение к р. Путне, где находились передовые войска турок. Главные их силы были в укрепленном лагере у Фокшан.

В **16** час. **2** августа турки были сбиты с своего расположения за р. Путной. Под проливным дождем наступавшие навели мост. На рассвете **3** августа Суворов был уже у Фокшан.

Австрийцы построились в две линии, конница — сзади; Суворов свои части построил также в две линии, конница — впереди. Быстро был опрокинут передовой отряд турок. Но началась горячая атака турецкой конницы. Ее натиск с трудом выдержала испытанная в боях пехота. Конница турок отступила, и движение союзников продолжалось.

Когда они были недалеко от лагеря, турки открыли по ним убийственный огонь. Суворов приказал итти, не оставиваясь. Первая линия русских без выстрела, с музыкой и барабанным боем бросилась в штыки.

Атака была настолько стремительной, что разбитые наголову войска Осман-паши покинули поле боя и бежали к р. Рымник. Легкие войска русских преследовали их до ночи. Суворову достался 'весь лагерь турок с **16** знаменами и **12** пушками.

После победы, которая досталась русским с небольшими потерями — всего **400** человек убитыми и ранеными, — Суворов и принц Кобургский, наконец, увиделись. Суворов подчинил медлительного австрийца своей воле и заставил его действовать согласно своим намерениям. Принц был очарован Суворовым и остался ему другом на всю свою жизнь.

Фокшанский разгром турок был совершенно неожиданным для них.

Общественное мнение России громко восторгалось победами Суворова.

Турки начали суеверно бояться Суворова. Маленький «Топал-паша», как они называли Суворова, сделался для них пугалом. Под его руководством стали побеждать даже австрийцы, неспособные до того ни к каким победам. Суворов увлекает их инертные силы за собой и делает их безвольную массу послушным орудием для выполнения своих планов.

РЫМНИК

Сотня тысячу осилит, если мудр
вождя совет.

Шота Руставели.

Победа при Фокшанах не была попользована. Потемкин продолжал медленно без решительной цели передвигаться к Днестру, все еще не будучи готовым к общему наступлению.

Визирь Юсуф-паша, пользуясь отдаленностью армии Потемкина, решил отомстить русским за поражение при Фокшанах. Собрав у Браилова до **100** тыс. человек, он присоединил к себе татар и Израильский корпус Гассан-паши и с этой грозной силой выступил из Браилова к Фокшанам с задачей разбить принца Кобургского, а затем напасть на русских. Осуществлялась та же идея, какая у турок была и перед Фокшанами, только теперь турки выступали с более значительными силами и предводительствовал ими сам великий визирь. Для того чтобы скрыть свои намерения, он демонстрировал готовность вторгнуться в пределы Бессарабии, послал приказ крымскому хану встать у Каушан, а **10**-тысячный корпус Гассан-паши выслал из Измаила к Белграду. Всеми такими распоряжениями и последовавшими за ними действиями визирь ввел Потемкина в заблуждение.

Тот принял демонстрации за действительные намерения. Туркам казалось, что все идет хорошо. Верховному визирю было известно, что силы австрийцев и русских находятся не вместе; он поэтому рассчитывал разбить их порознь. Визирь был настолько уверен в своей победе, что упустил из виду то обстоятельство, что во главе русского **7**-тысячного отряда непосредственно перед ним стоит «Топал-паша» — Суворов.

Сперва турки напали на австрийцев. Принц Кобургский, узнав о грозящей ему опасности, посылает гонца к Суворову просить его помощи.

Суворов разгадал намерения турок. Он перешел со своим отрядом в Пуцени, откуда можно было легче помочь

австрийцам, и оттуда усилил разведку в сторону противника. **7** сентября явился второй гонец от австрийцев; он доложил, что громадные силы турок стоят в **16** км от принца,

Получив это извещение, Суворов оставил для прикрытия своего тыла батальон пехоты, сам с остальными силами, проделав **75** км в двое суток по размокшим дорогам, **10** сентября подошел к австрийцам.

Турки остановились в укрепленном лагере на р. Рымник.

Суворов решает немедленно напасть на турок. Принц не соглашается с этим. Говорит о несоразмерности сил союзных и турецких; турецкие силы «очень велики, русские войска изнурены, позиция турок неприступна и т. д. Суворов, не любивший возражений, раздраженно заметил:

«Численное превосходство неприятеля, его укрепленная позиция — потому-то именно мы и должны атаковать его, чтобы не дать ему времени укрепиться еще сильнее.

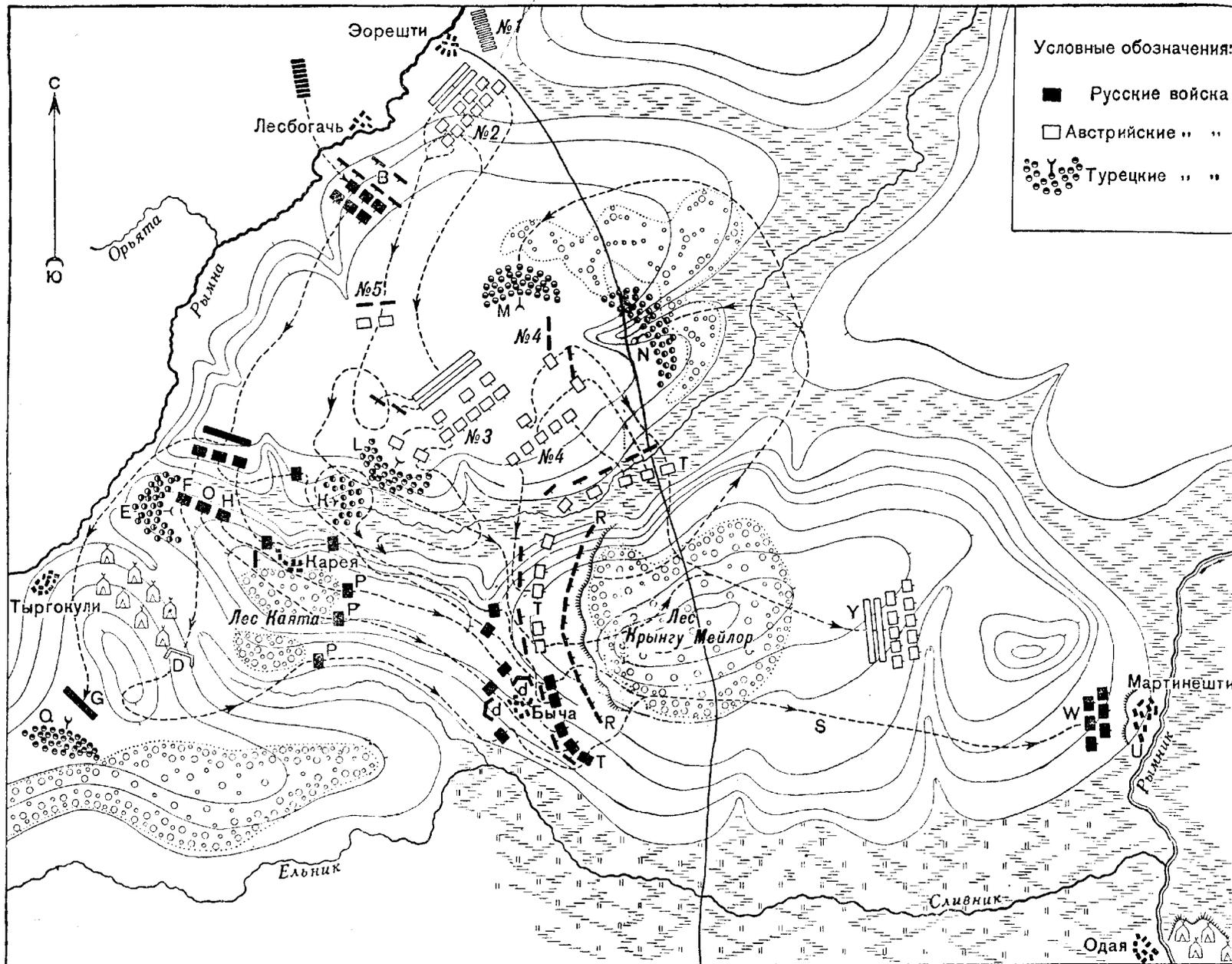
Впрочем, делайте, что хотите, я один с моими русскими войсками намерен атаковать турок и один надеюсь разбить их».

Как и под Фокшанами, принц принужден был подчиниться воле Суворова.

Суворов тотчас же отправился на разведку. Чтобы лучше осмотреть позицию турок, он влез на высокое дерево. Грозная **100**-тысячная, армия верховного визиря стояла на высотах между рр. Рымною и Рымником. Наиболее возвышенная точка была почти на середине между названными реками у леса Крынгу-Мейлор.

Отсюда высоты опускались полого в обе стороны к рр. Рымне и Рымнику и упирались в них крутыми скалами. Во многих местах, высоты прорезались глубокими оврагами. Верховный визирь правильно оценил местность и расположил главные силы (**40** тыс. человек) по высоте у леса Крынгу-Мейлор, оперев оба фланга в глубокие овраги. У д. Тыргокули располагался турецкий авангард до **15** тыс. человек. И, наконец, остальные силы, **35—45** тыс., стояли в укрепленном лагере у Мартинешти на р. Рымник.

Вернувшись с разведки, Суворов предписал начать движение ночью: австрийцам — на лес Крынгу-Мейлор, против центра и левого фланга турок; русским — совершить фланговое движение на глазах противника, сбить его авангард у Тыргокули и, зайдя правым плечом на д. Бычу, одновременно, с австрийцами ударить на главные силы турок. Связь между русскими и австрийцами — конная. Построе-

План сражения при Рымнке 27 сентября 1789 г.

ние русских, как и под Фокшанами, — в две линии. Такое же построение было предписано и австрийцам.

Великий визирь, по первым выстрелам союзников правильно определив большой промежуток между русскими и австрийцами, приказал своей коннице в составе **20** тыс. коней ударить по флангам противников. Три раза турки бросались в атаку, но безуспешно. Контратакованные на четвертый раз союзной конницей, они отступили к Быче.

Суворов, преодолев все трудности, повел свои войска к Быче. В **3—4 км** от леса, пользуясь близостью колодцев, он дал получасовой отдых своим войскам. За это время тщательно осмотрел местность, чтобы вновь продолжать движение на Бычу. В это время на поле боя прибыл визирь со свежей конницей. Земля дрожала от топота **40** тыс. коней. Турецкая конница окружила австрийцев. Но австрийцы на этот раз дрались отчаянно. Суворов, между тем, спешил овладеть Бычей, чтобы оказаться в тылу у турок. Заметив маневр Суворова, турки быстро отхлынули к лесу, а частично и к Маргинешти, что дало возможность австрийцам примкнуть свой фланг к подошедшим русским.

Предстояло овладеть лесом Крынгу-Мейлор и разбить отборных **40** тыс. турецких войск, сплошь состоявших из янычар. Задача была сложная. Но Суворов разрешил ее смелым неожиданным маневром для противника. Вопреки теории и практике, он бросил на турецкие окопы свою конницу, а вслед за ней бегом пехоту. «Удивить — победить», говорил он. Турки были ошеломлены такою неожиданностью. С расстояния **600 м** союзная конница, обгоняя свою пехоту, понеслась на укрепления турок. Стародубский карабинерный полк с полковником Миклашевским во главе первый перескочил окопы, за ним туда влетели австрийские гусары; казаки ворвались к туркам с тыла. Не успели янычары притти в себя, как союзная пехота с криками «ура» хлынула вслед за конницей. Началась страшная резня. Турки стали отходить. Напрасно великий визирь пытался остановить бегущих, читал коран, умолял, грозил, стрелял из орудий, — ничто не помогало, турки в панике бежали. Истошив все усилия остановить бегущих, поскакал с поля сражения и сам визирь. Победа была полная. Все поле боя было усеяно трупами турок. Около **15—20** тыс. их было убито и лежало на поле боя ранеными, остальные рассеялись. Великий визирь впоследствии собрал только **15** тыс, человек. Потери победителей в этом сражении были ничтожны — они не превышали **2** тыс. человек.

Сотни знамен, **80** пушек, несколько тысяч повозок с разным добром и целые стада скота достались победителям.

Рымникская победа вызвала всеобщий восторг в России и Австрии. Имя Суворова сделалось любимым народным именем.

ИЗМАИЛ

Построенный на отмели Дуная,
В восточном стиле город Измаил,
Стоял, весь левый берег защищая,
И крепостью перворазрядной был.

Байрон.

Измаил к 1790 г. был сильно укреплен. Главный вал тянулся на 6,5 км, имея семь бастионов и большое количество входящих и исходящих углов. В юго-восточной части его, фронтом к реке, был кавальер 11 м высоты с 22 орудиями. Высота вала крепости — 6–8 м; ров — 12 м ширины и 6–10 м глубины, местами с водой до плеч. Все верки были земляные, за исключением двух каменных бастионов. Бендерский бастион в северном исходящем углу имел каменную одежду. Приречная сторона была слабее, по турки не предполагали, что русские войдут в русло Дуная. Самый город высился уступами. Прочные дома, гостиницы, мечети способствовали обороне. Сообщения проходили через четверо ворот: Царьградские и Хотинские — на северо-западной стороне, Бендерские и Килийские — на северо-восточной.

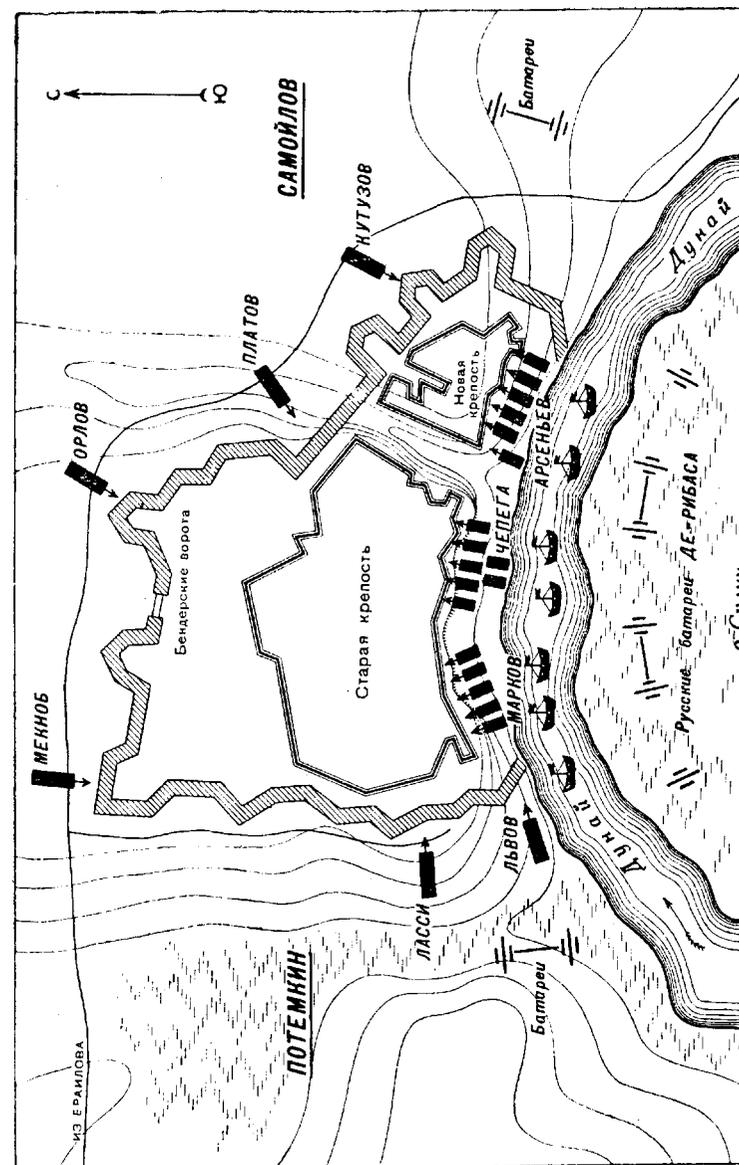
Вооружение крепости состояло из 200 крупных орудий. Гарнизон крепости достигал 35 тыс. человек, из них 8 тыс. конницы, 17 тыс. янычар, несколько тысяч татар. Боевых припасов было в изобилии; продовольствия — на полтора месяца.

Во главе защитников стоял старый, поседелый в боях Айдозли Мехмет-паша, решительный, твердый и дельный человек.

Султан обещал за падение Измаила всех оставшихся живыми защитников казнить.

Измаил был перворазрядной крепостью, по-тогдашнему хорошо вооружен, с сильным гарнизоном и опытным, решительным вождем.

Обстановка к осени 1790 г. сложилась так, что нужно было сильным ударом понудить Турцию к миру ранее, чем враждебные державы могли бы притти ей на помощь. Считалось, что скорое овладение Измаилом положит конец войне.

Штурм Измаила 11 декабря 1790 г.

Уже два раза русские подступали к Измаилу, но безуспешно. За несколько дней до прибытия Суворова считалось невозможным взять штурмом Измаил. Уже было отдано распоряжение отойти от него, и некоторые части начали выполнять этот приказ.

Крепость ликовала.

Увидев отходящие войска,
Обрадовались турки непомерно.
Но как была их радость коротка!

Байрон.

Потемкин, живший тогда в Вендорах, колебался приступить к решительным мерам по взятию Измаила, Рассказывают, будто одна дама, гадая ему на картах, заявила, что Измаил сдастся через три недели.

— Я умею гадать лучше вас, — отвечал Потемкин и послал Суворову приказ взять Измаил штурмом во что бы то ни стало.

Недолги были сборы Суворова. Для усиления осадного корпуса под Измаилом он отправил туда из Галаца фанаторийских гренадер, 200 казаков, тысячу арнаутов и 150 охотников Апшеронского полка. 30 лестниц, тысячу фашинов и продовольственные запасы. Сам же поскакал вперед.

2 декабря на рассвете к Измаилу подъехали два всадника, оба забрызганные грязью: это были Суворов и казак, который в маленьком узелке вез имущество вождя... Раздалась приветственная пальба, общая радость быстро облетела все войска, В маленьком, невзрачном 60-летнем старичке они увидели грядущую победу.

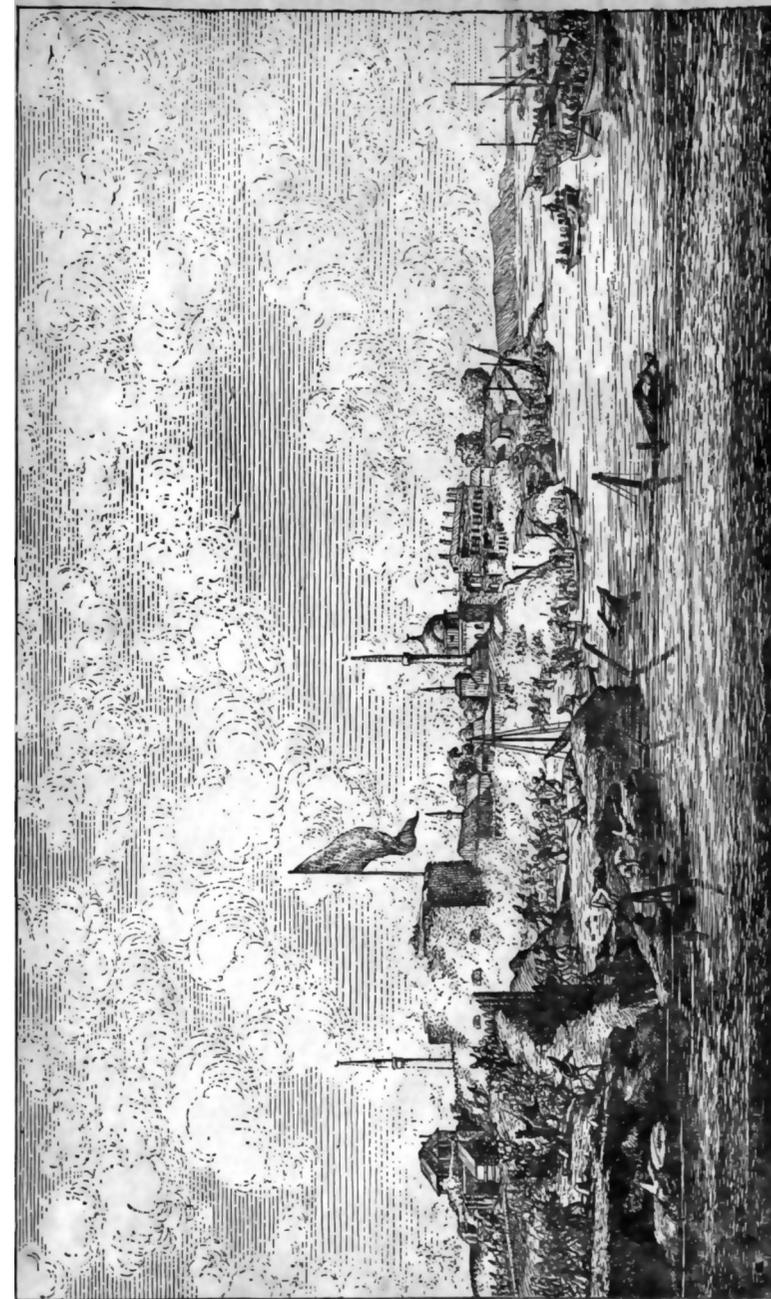
Переворота кто же был виною?
Старик, умевший управлять толпою.

Байрон.

Немедленно развернулась кипучая работа. Ежедневно Суворов выезжал с офицерами на разведку, изучал каждую складку местности, давал указания, где и как вести войска на штурм крепости.

Чтобы убедить турок в намерении вести длительную осаду, были заложены батареи.

В лагере были построены валы и рвы наподобие измаильских, и ночью Суворов сам учил войска, как нужно их преодолевать. Готовились лестницы, фашины.

Штурм Измаила

Учил он рекрут, как простой капрал,
Нигде минуты не теряя;
Водил их через рвы и приучал
К огню, их в саламандры превращая.

Байрон.

Суворов проводил огромную работу по поднятию веры своих войск в успех. Он ходил по бивакам, говорил с солдатами и офицерами, вспоминал прежние победы, указывал на трудности овладения Измаилом.

— Видите эту крепость, — говорил он, указывая на Измаил. — Стены ее высоки, рвы глубоки, а все-таки нам нужно ее взять.

— С тобой возьмем, — восторженно отвечали солдаты.

Но как быть с генералами? Ведь они еще недавно считали невозможным взять эту крепость и решили отступить от нее.

Суворов, противник всяких совещаний, решает созвать военный совет. Но проводит этот совет на свой, суворовский лад. Он произносит зажигательную речь. Указывает, что два раза русские безуспешно подступали к Измаилу, но третья неудача невыносима. Надо или взять крепость или умереть под ней.

— Я решил либо овладеть крепостью, либо погибнуть под ее стенами, — закончил он.

Общее постановление было — штурм.

Участь Измаила решена.

Когда все почти было готово к штурму, Суворов 7 декабря послал в Измаил предложение сдать крепость. К письму приложил свою записку: «Сераскиру, старшинам и всему обществу. Я с войсками сюда прибыл. 24 часа на размышление для сдачи — и воля; первые мои выстрелы — уже неволя; штурм — смерть. Что ставлю вам на рассмотрение».

Сераскир ответил письмом, прося перемирия на 10 дней, а на словах прибавил: «Скорее Дунай остановится в своем течении и небо рухнет на землю, чем сдастся Измаил».

Суворов из ответа сераскира понял решительное намерение турок и, чтобы больше разжечь жажду победы у своих войск, приказал гордый ответ сераскира прочесть войскам.

У Суворова под Измаилом было 31 тыс. человек, из них 13 тыс. пеших казаков. Значительная часть их была вооружена только короткими пиками, но Суворов им внушил, что «оружие ваше для действия в тесноте самое удобное».

Приказ Суворова на штурм Измаила является непревзойденным образцом. В диспозиции было указано все существенное, начиная от состава колонн и кончая числом фашин и длиной лестниц; определено число стрелков при колонне, их место и назначение, так же как и рабочих; назначены частные и общие резервы, их места и условия использования; преподаны правила осторожности внутри крепости; с точностью указаны направления колонн, предел их распространения по крепостной ограде и прочее.

Эти наставления были хорошо изучены и поняты как офицерами, так и солдатами.

Войска были распределены на три крыла, по три колонны каждое. Де-Рибас (8 тыс. человек) — с речной стороны; правое крыло — Потемкин (7,5 тыс.) — на западную часть крепости; левое крыло — Самойлов (12 тыс.) — на восточную. Конная поддержка — Вестфален (2,5 тыс.) — на сухопутной стороне. Главный удар — с речной стороны.

Штурм крепости назначен был на 11 декабря. Для соблюдения внезапности Суворов решил произвести удар ночью. Этим преследовалась и другая цель: ожидая упорного сопротивления, он хотел иметь возможно больше времени в светлой части суток.

Для одновременности атаки был установлен сигнал — ракеты. По третьей из них, в 5 часов утра, нужно было идти на штурм, а чтобы турки не догадались, было приказано пускать ракеты в лагере каждую ночь.

Ночь на 11 декабря была темная и пасмурная. Суворов лично объезжал валы, проверял сторожевую службу. Никто не спал. Солдаты и офицеры собирались у костров, разговаривая о предстоящем штурме. Суворов ходил по бивакам и заводил с ними разговоры. Простые и живые слова любимого полководца зажигали сердца. Все жаждали показать себя достойными похвал.

В час ночи Суворов прилег к костру, но заснуть не мог. Очевидно, в такие ночи не спится. Через 22 года перед Бородинской битвой также не могли уснуть ни Наполеон, ни Кутузов.

В 3 часа взвилась ракета. Войска заняли назначенные им места. В 5 час. ночную темноту прорезала третья ракета, и войска пошли на приступ. Густой туман скрывал движение. Мгновение — и огненное кольцо опоясало крепость; раздался грохот 250 крепостных орудий, в ответ им начался огонь 500 орудий с приречной стороны. Войска быстро приблизились ко рву, забросав его фашинами,

быстро преодолели его и, приставляя лестницы к стенам крепости, стали карабкаться вверх по ним. Первым вскачил на вал Ласси, за ним последовали части Львова. Вскоре Бендерские и Хотинские ворота были в руках русских. В открытые ворота хлынула в Измаил конница.

Менее удачна была атака Кутузова в направлении Килийских ворот. Заметив заминку в частях Кутузова, Суворов послал ему сказать, что он назначается комендантом крепости. Это вызвало взрыв усилий у кутузовцев, и Килийские ворота были взяты.

У Мекноба лестницы оказались коротки, пришлось под убийственным огнем связывать их по две. Наконец, удается войти на вал, но тут встречается сам сераскир с отборными янычарами. Мекноб падает смертельно раненый, почти все офицеры перебиты, но вал взят, так как каждый солдат у Суворова «знает свой маневр», и все они вместе представляют трудно одолимую грозную силу.

Орлов уже карабкался на стены, как вдруг толпа турок бросилась сбоку на казаков. Пики разлетались под ударами турецких сабель. Безоружные казаки гибли. Суворов двинул им на помощь конницу и два батальона Потоцкого полка. Турки были разбиты, и только часть их спаслась в крепости.

Платов, перейдя ров по пояс в воде, взобрался на вал и с криком: «За мной!» бросился вперед. Пример его увлек войска, и они одним сильным порывом оказались в крепости.

Войска Де-Рибаса быстро и в порядке переправились через Дунай, высадились у стен Измаила и овладели его валом.

Наступил день. Главный вал всюду был в руках русских. Турки отступили в город, приготовясь к последней отчаянной схватке.

После короткого отдыха, приведя себя в порядок, с ружьями наперевес, под музыку, неудержимо хлынули чудобогатыри Суворова на последние оплоты крепости. Завязалась отчаянная битва внутри города. Дрались за каждый дом.

В 4 часа дня, строго по расчету Суворова, Измаил пал. Из 35 тыс. защитников 26 тыс. было убито и ранено, 9 тыс. взято в плен. Только единицам удалось уйти из крепости. Дунай весь был красен от крови.

Потери русских составляли 4 тыс. убитыми и около 6 тыс. ранеными.

А. Петрушевский в своем труде о Суворове дает такую характеристику штурма Измаила:

«Измаильский штурм отличается нечеловеческим упорством турок, и немудрено: они знали, что им пощады не будет после предшествовавших штурму переговоров. Но это упорство безнадежного отчаяния, в котором принимали участие даже вооруженные женщины, могло быть сломлено только крайним напряжением энергии атаковавших, высшей степенью возбуждения их духа. Все это и было произведено Суворовым. Храбрость русских войск под Измаилом дошла как бы до совершенного отрицания чувства самосохранения. Офицеры, главные начальники были впереди, бились, как рядовые, переранены и перебиты в огромном числе, а убитые до того изувечены страшными ранами, что многих нельзя было распознать. Солдаты рвались за офицерами, как на каком-то состязании; 10 часов непрерывавшейся опасности, нравственного возбуждения и физических напряжений не умалили их энергии, не уменьшили сил. Многие из участников штурма потом говорили, что, глядя при дневном свете и в спокойном состоянии духа на те места, по которым они взбирались и спускались в ночную темноту, они содрогались, не хотели верить своим глазам и едва ли рискнули бы на повторение того же самого днем».

Сам Суворов тоже говорил, что на такой штурм можно решиться только один раз в жизни.

Штурм Измаила — событие беспрецедентное во всей истории войн.

С обычным своим лаконизмом Суворов донес о взятии Измаила так: царице — «Гордый Измаил у ног вашего величества»; Потемкину — «Не бывало крепости крепче, не бывало обороны отчаяннее Измаила, но Измаил взят. Поздравляю. А. Суворов».

6 дней город очищали от трупов; захвачена была богатая добыча: одних лошадей было взято более 10 тыс.; драгоценностей более чем на 1 миллион рублей; большое количество огнеприпасов и продовольствия.

Впечатление от измаильского погрома в Турции было прямо ошеломляющим: многие крепости, боясь участи Измаила, сдавались без боя. Путь в сердце Турции был открыт.

В России восторгам и изумлению не было границ.

Поэт Державин в таких стихах прославил героя взятия Измаила:

Везувий пламя изрыгает;
Столб огненный во тьме стоит;
Багрово зарево сияет;
Дым черный клубом вверх летит,
Краснеет Понт; ревет гром ярый;
Ударам вслед звучат удары;
Дрожит земля, дождь искр течет;
Клокочут реки рдяной лавой.
О Росс! Таков твой образ славы,
Что зрел под Измаилом свет.

Имя героя Суворова после взятия Измаила стало выше всех современных ему имен. Он сделался предметом всеобщего внимания и удивления не только в России, но и за границей.

Сколько раз на протяжении XIX в. в войнах с Турцией русские войска осаждали и штурмовали крепости, но ни разу даже его лучшими учениками, как Кутузов, не было достигнуто такого мастерства, как под Измаилом, ни разу не было проявлено такого упорства, как там, и ни разу не использованы так полно все духовные и физические силы войск, как это сделал Суворов при овладении Измаилом.

ВТОРОЙ ПОХОД В ПОЛЬШУ

После второго раздела Польши восстание за восстановление ее поднял талантливый польский полководец Фаддей Костюшко. Силы поляков в этом восстании достигали 70 тыс. человек. Первые победы против слабых русских отрядов, находившихся в Польше, сильно воодушевили повстанцев. Воспользовавшись беспечностью и ошибками генерала Игельстрома, стоявшего со своими войсками в Варшаве, поляки напали на русских и перебили более 2 тыс. человек. Костюшко занял Варшаву и сильно укрепил ее предместье Прагу. Приближалась осень 1792 г. С наступлением зимы война, казалось, должна была прерваться, что дало бы полякам возможность укрепиться на занятых позициях и при иностранной помощи надолго затянуть войну.

27 августа Суворов с 4,5 тыс. человек и 10 орудиями выступил из Немирова, а 4 сентября уже был в Варковицах, пройдя за 9 дней 290 км. По пути к Варшаве он присоединил к себе отряды Буксгевдена и Маркова. Вместе с ними его силы возросли до 11 тыс. человек и 26 орудий. 10 сентября Суворов был в Ковеле, а 17-го — у Кобрина, где разбил передовые части Сераковского. Сам Сераковский с главными силами отошел к Бресту. Не давая отдыха своим войскам, Суворов нагнал Сераковского и на рассвете 21 сентября в жестоком шестичасовом бою истребил его корпус.

Но эта победа обошлась дорою и войскам Суворова: около тысячи человек было убито и ранено.

«Брестский корпус сего числа кончен», доносил Суворов об этом сражении. Поляки не хотели до этого верить, что на них идет знаменитый Суворов. Теперь это всем было ясно. Костюшко терял голову. Желая помешать соединению Суворова с Ферзеном, он 12 октября напал на отряд последнего у Мацновиц. Бой оказался для Костюшко неудачным; в нем он был разбит и взят в плен. Суворов решил

немедленно двигаться на Варшаву. Приказал Ферзену и Дерфельдену идти на соединение с ним. Оставив в Бресте небольшую часть своих войск, Суворов с 8 тыс. человек 20 октября выступил на Янов. 27 октября в Станиславове к нему присоединился Ферзен с 11 тыс. человек. Дерфельден в это время был близ Вышкова на Буге. Узнав, что в Окуневе и Кобылке большие силы поляков, Суворов посылает Ферзена к Окуневу, а сам спешит к Кобылке, где утром 28 октября уничтожает часть сил Макрановского. Это был невиданный бой. Удар спешенной конницы в сабли был проведен с таким остервенением, что сам Суворов после говорил — ничего подобного он еще никогда не видел.

В Кобылке Суворов остановился для отдыха. До Праги оставалось несколько километров. Надо было ждать Дерфельдена и подготовить атаку.

Прага в то время была бедным местечком на правом берегу Вислы. В Варшаву из нее вел мост, прикрытый небольшим укреплением. Старинный земляной вал окружал Прагу со всех сторон. Впереди старого вала Костюшко возвел укрепления от Вислы до болотистого, не проходимого вброд ручья. Укрепления располагались в три ряда: 1) за секи и волчьи ямы, 2) сплошной земляной вал и ров для пехоты и артиллерии, 3) 43 батареи для стрельбы поверх вала и 4) в исходящем углу два прочных кавальера. На вооружении крепости состояло 104 орудия.

31 октября Суворов со всеми старшими командирами своего отряда произвел разведку. С прибытием 1 ноября к нему в Кобылку отряда Дерфельдена у него было 18 тыс. пехоты, 7 тыс. конницы и 5 тыс. казаков.

На 6 ноября был назначен штурм Праги. Началась деятельная подготовка к этому штурму. Все делалось так же, как и под Измаилом. Постоянными объездами войск и беседами с солдатами Суворов, как и под Измаилом, чрезвычайно воодушевил войска и создал у них полную уверенность в победе над противником.

5 ноября все русские батареи вели огонь по укреплениям Праги. Перед самым штурмом войскам был прочитан приказ Суворова, такой же краткий и внушительный, как под Измаилом. Войска были построены в семь колонн: 1-я — Ласси — с задачей отрезать неприятеля от моста с севера; 4-я — Буксгевдена — взять Песочную гору и Зверинец; 5-я — Тормасова — овладеть восточным фронтом по кратчайшему направлению к мосту; 2-я, 3-я и 6-я колонны

должны были занять вал предместья; 7-я — Денисова — выступить на два часа ранее других и содействовать 1-й колонне в ее задаче отрезать противника от моста с юга.

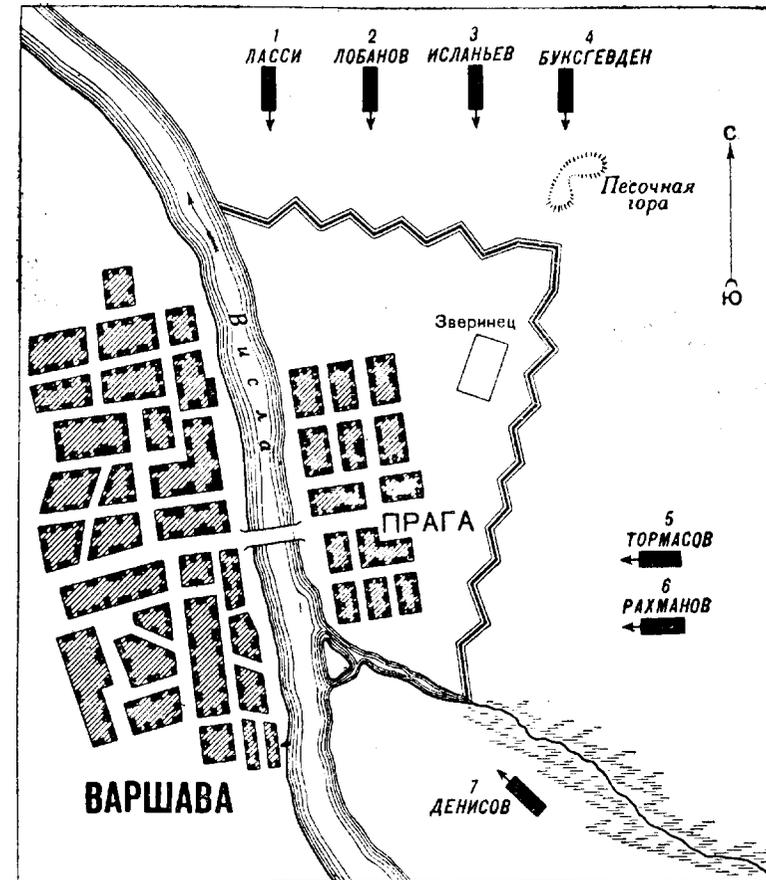

Схема штурма Праги 6 ноября 1791 г.

В 4 часа 30 мин. начался штурм. Трудно описать ужасную картину этого штурма. Все смешалось в одну страшную кровавую массу. Поляки защищались отчаянно. Суворовские солдаты дрались, как львы, сокрушая все, что становилось им поперек пути. Когда русские ворвались в Прагу, резня еще более увеличилась. Жители Праги стреляли с крыш, из окон, бросали на голову тяжести, обливали русских кипятком. Это еще более раздражало

русских. Суворов разослал офицеров указывать жителям бежать в русский лагерь, где они будут в безопасности, но большая часть, населения этим не воспользовалась и погибла в страшном бою на улицах Праги. Суворов, опасаясь за подобную же участь Варшавы, приказал зажечь мост через Вислу, чтобы предотвратить разгром этого города. В 9 час утра 6 ноября все было кончено: Прага целиком была в руках русских.

Поляки потеряли 23 тыс. человек и 104 орудия; русские — около 3 тыс. человек. Больной, едва таскавший ноги Суворов доносил Румянцеву: «Редко видел я столь блистательную победу; дело сие подобно измаильскому».

Весь поход Суворова, закончившийся молниеносным ударом под Прагой, является высоким образцом стремительности, точного расчета и мужества атаковать противника, находясь своими силами в меньшинстве против его сил.

Суворова многие современники упрекали в жестокости, допущенной им при взятии Праги. На все такие упреки он совершенно основательно отвечал: «Миролюбивые фельдмаршалы при начале польской кампании провели все время в заготовлении магазинов. Их план воевать был рассчитан на три года. Какое кровопролитие! И кто бы мог поручиться за будущее? Я пришел и победил. Одним ударом приобрел я мир и положил конец кровопролитию».

За взятие Праги Суворов получил богатые награды, но больше всего он радовался фельдмаршалскому жезлу. Только Разумовский и Румянцев имели тогда в России этот чин.

Суворов по-своему отпраздновал эту награду. Он велел своему неизменному камердинеру Прошке поставить вдоль залы девять стульев на одинаковом расстоянии друг от друга. И 65-летний старик, к удивлению присутствовавших знатных гостей, начал прыгать через них, приговаривая:

— А так перескочил. Салтыков — позади.

Прыжок через другой стул:

— Долгорукий — позади.

И так все девять старейших генералов оказались позади Суворова.

Когда все девять стульев-«генералов» остались позади, Суворов радостно закричал:

— Вот как! Всех обошел, никого не уронил и даже не задел! Знато! Помилуй бог, как знато!

Все обиды Суворова за долгую безупречную службу, все оскорбления, нанесенные ему не желавшими признавать его военного гения и кичившимися перед ним своим старшинством, вылились в этом акте

Целый год провел Суворов в Варшаве. Своим дипломатическим тактом он урегулировал спорные вопросы с Австрией и Пруссией. Успешно провел целый ряд мер по налаживанию мирной жизни. Грозный на полях брани, он в мирных делах был защитником слабых и угнетенных.

Получив неограниченную власть по управлению огромным краем, он попрежнему остался прост, бегал от роскоши, предпочитал простой, суровый образ жизни.

Вскоре он был вызван в Петербург, Столица торжественно встречала победителя.

Приехав в Таврический дворец, где несколько лет тому назад с такой пышностью было отпраздновано взятие Измаила без виновник этого события, Суворов пробежал по комнатам, вплоть до спальни, где была готова пышная постель и ярка горел камин.

«Давно ли здесь жил Потемкин, тот самый, который...», думал Суворов, «а теперь мне пришлось жить в его дворце — это моя квартира... Что за превратности судьбы!»

За полгода до смерти Екатерины Суворов уехал в Тульчин, который сделал своей штаб-квартирой, и занялся там устройством и обучением войск к предстоящей новой войне,

СУВОРОВ В ОПАЛЕ

В 1790 г., после смерти Екатерины II, на престол вступил ее сын Павел. Началась реорганизация всего управления государством. Особенно сильно эта реорганизация коснулась военного дела. Павел был страстным поклонником прусского короля Фридриха II. В армию внедрялись прусские порядки. В соблюдении формы русского солдата на прусский манер доходили до педантизма. Войскам были разосланы палочки для образцов и меры солдатских кос и буклей. Чтобы лучше равнялись в строю, был уменьшен шаг. Устанавливалась жестокая муштра, расправа за малейшую ошибку в строю.

Все эти нововведения не нравились Суворову, и он едко и зло высмеивал новые порядки в армии.

«Пудра не порох, букли не пушка, коса не тесак и я не немец, а природный русак», говорил вслух Суворов. На уменьшение шага в армии он реагировал словами: «Итак, на неприятеля вместо сорока — тридцать верст».

Недовольство Суворова его завистники в приукрашенном и преувеличенном виде немедленно доводили до сведения Павла.

Гроза со стороны последнего не заставила себя ждать. 6 февраля 1796 г. Суворов получил отставку. Ему приказано было удалиться в свою деревню. Но это было только начало. Немилости пошли затем одна за другой. В Кобринское имение, где поселился Суворов, вскоре пришел царский указ, в котором Суворову предлагалось избрать местом жительства старое запущенное отцовское имение Кончанское.

5 мая Суворов прибыл в Кончанское и поселился здесь в старом, полуразрушенном домике под надзором местного исправника Вындомского.

Скучно и однообразно потекла жизнь Суворова, хотя он всячески старался поддерживать прежний деятельный образ жизни,

Вставал так же, как и на службе, в два часа. Окатившись холодной водой, спешил на сельскую колокольню звонить. В 7 час. обедал и после отдыха отправлялся гулять в деревню, где бегал и прыгал с ребятами, играл с ними в бабки, принимал деятельное участие в сельских хороводах и танцах. Разбирал споры крестьян, помогал им в их нуждах, иногда ходил в гости, изредка принимал у себя соседних дворян.

Но при всем этом Суворов зорко следил за политическими событиями как внутри России, так и в Европе.

С 1797 г. надзор за Суворовым еще более усилился. В Кончанское приехал назначенный царским указом некто Николаев, который установил за Суворовым оскорбляющий его надзор. Он перехватывал письма к Суворову, не допускал к нему желающих его видеть и пр. Все это крайне раздражало Суворова. Материальные дела его в это время также обстояли плохо. Ему был предъявлен целый ряд крупных денежных претензий по не уплаченным ранее счетам, причем некоторые счета на содержание войск перечислялись непосредственно на него.

Все такие счета, по распоряжению Павла, удовлетворялись за счет имений Суворова, Предстояла опись и распродажа с молотка всего, что имел Суворов.

Через два года неуравновешенный Павел неожиданно сменил свой гнев на милость. В Кончанское был прислан князь Горчаков, племянник Суворова, с приглашением вернуться в Петербург. Но Суворов не обрадовался внезапной милости царя. Без большой радости он поехал в столицу. Там началось задабривание Суворова: приглашение его на разводы, учения. В присутствии Суворова произвели обучение батальона на его, суворовский лад. Но все это не подкупило старика. Он видел во всем этом скрытый маневр со стороны Павла и не желал итти навстречу его предложениям. Через несколько дней пребывания в Петербурге, после целого ряда придворных чудачеств. Суворов отпросился обратно в деревню и даже подал ходатайство о разрешении ему уйти в монастырь.

На ходатайство Суворова ответа не поступило, и еще год после того продолжалась деревенская жизнь Суворова. Надзор, однако, был облегчен, а вскоре затем, 6 февраля 1799 г., по просьбе английского короля и австрийского императора, Суворов получил предложение занять должность главнокомандующего союзными войсками в Италии, действующими против французов. Новое назначение Суворов

принял с неопишымым восторгом. Наконец, кончилась трехлетняя ссылка Суворова, и он может опять стать во главе любимых им войск. 70-летний старик с задором юноши скакал на поля будущих сражений, чтобы еще раз удивить мир своими подвигами и военными талантами.

СУВОРОВ В ИТАЛИИ

(СХЕМА ВКЛАДКОЙ В КОНЦЕ КНИГИ)

25 марта 1799 г. Суворов въехал в Вену. На другой день представился императору Францу. Толпы любопытных заполнили все улицы. Всем хотелось взглянуть на счастливого победителя в стольких славных сражениях. Общим восторгам не было конца. Император Франц уверял, что он предоставит полную свободу действий Суворову, однако, все время через различных членов гофкригсрата¹ посылал к Суворову выведать план его действий. На предложения о плане Суворов неизменно отвечал, что этот план он составит после ознакомления с обстановкой на месте.

По показанию одного очевидца, к Суворову один раз приехали четверо членов гофкригсрата. Они показали ему подробнейший план действий, в котором были изложены действия армии до р. Адды, и просили Суворова внести в него свои замечания. Суворов зачеркнул весь план и внизу написал: «Начну действия переходом через р. Адду, а кончу кампанию, где будет богу угодно».

3 апреля — последняя аудиенция у императора. Франц опять, как и в первый раз, любезен на словах, обещает Суворову полную свободу, однако, при прощании вручает ему письменный документ, в котором заметно обнаруживается недоверчивость и боязнь к слишком смелым решениям Суворова. 4 апреля Суворов был уже в Вероне, где принял русских и австрийских генералов.

Когда остались одни русские генералы, Суворов скороговоркой напомнил им о своей системе: «Субординация. Экзерциция. Военный шаг — аршин, в захождении — полтора. Голова хвоста не ждет. Внезапно, как снег на голову. Пуля — дура, штык — молодец. Мы пришли бить ветренных, сумасбродных французов; они воют колоннами — мы будем бить их тоже колоннами».

¹ Высший военный совет в империи.

И в этот же вечер сам выехал из Вероны к главной квартире армии в Валеджио. По прибытии в Италию Суворов обратился к народу с воззванием. В нем он говорил об избавлении итальянского народа от иностранных завоевателей. Воззвание нашло горячий отклик в Италии и Швейцарии; русские войска встречались населением радушно. После того как население убедилось в хорошем отношении русских солдат к нему, установились взаимные дружеские отношения.

Равнина Северной Италии, огибаемая с севера и запада крутыми скатами Альпийских, а с юга — Апеннинских гор, орошена бесчисленными реками и каналами; она густо населена, имеет плодородную почву, усеяна множеством городов и крепостей, во все времена до описываемых событий была театром многих замечательных походов и сражений и по праву заслужила наименование страны классической в военном отношении. Богатство местных средств, многочисленность дорог по всем направлениям, пограничное положение между Францией, Швейцарией и Австрией открывали широкие возможности стратегическим соображениям полководца.

Чрезвычайная пересеченность местности, изрезанной каналами, плотинами, аллеями, разными изгородами, везде стесняла действия войск. Не было простора для действий конницы. Зато на такой местности резко сказывалось превосходство войск, обученных по методам Суворова. Семидесятилетний фельдмаршал, который всю жизнь бил турок среди степей и поляков среди болот и лесов, в новой местности наилучшим образом применил свои простые правила военного дела.

До 7 апреля Суворов учил австрийские войска своим правилам ведения войны, старался внушить им уверенность в себе. Перевел «Науку побеждать» на немецкий язык. Русские офицеры приучали австрийцев к стремительным штыковым ударам.

7 апреля начался знаменитый поход Суворова. Движение шло быстро, по особому расписанию. Выступали ночью, шли 7 км, потом привал на 1 час, затем еще 7 км, большой привал на 3—4 часа, варка пищи и обед. После обеда 7 км и опять час отдыха. Наконец, делались последние 7 км — и ночлег. Войска проходили ежедневно 28 км, отдыхали в самую жару и не особенно утомлялись. Однако, австрийцам такое движение казалось чрезмерно быстрым;

они иногда самовольно останавливались, а их генерал Мелас доносил гофкригсрату, что марш слишком быстр и лишен военного расчета. После взятия Брешии Суворов 15 апреля подошел к р. Адда.

Командующий французскими войсками Шерер, имея 28 тыс. человек, отступил за р. Адда для обороны. Опасаясь за свои фланги, он растянул свои войска от оз. Комо до р. По примерно на 100 км, удерживая мосты с тет-де-понами у Каосано, Лоди и Пичигетоне.

Суворов сосредоточился против северного крыла и центра французов. На самом севере у него было 19 тыс. против 8 тыс. французов, в центре 23 тыс. против их 8 тыс. Суворов решил прорвать растянутое расположение французов.

17 апреля вместо отстраненного Шерера вступил в командование французскими войсками молодой энергичный генерал Моро. Суворов, узнав об этом, сказал: «Лавры, которые мы отберем у Моро, будут цвести зеленее».

Моро решил собрать к центру разбросанные его предшественником войска, но быстрота действий Суворова этому помешала. Фронт французов был прорван. Началось их отступление на Милан. Половина дивизии Серюрье у Ваприо была отрезана и сложила оружие. В общем, французы потеряли 2,5 тыс. убитыми и ранеными, 5 тыс. пленными и 27 орудий. Потери союзников достигали 2 тыс. человек.

Победа Суворова была торжественно отпразднована в Вене и в Петербурге. Суворов получил крупные награды. Всего две недели прошло после прибытия Суворова в Вену, а положение на фронте стало в корне меняться.

После победы на р. Адда Суворов немедленно двинулся к Милану, главному городу Ломбардии. Французские власти вместе с Моро бежали из него. 18 апреля население Милана устроило торжественную встречу Суворову; он сделался любимцем толпы и неограниченным властелином сердец не только русских, но и австрийских солдат.

В Милане Суворов пробыл два дня. Он приложил все усилия к устранению различий в тактических положениях, все еще имевшихся между русскими и австрийскими войсками. Разослал общие правила, для тех и других. В Милане же Суворов разработал дальнейший план своих действий против французов. Сущность его сводилась к тому, чтобы, осаждая в тылу крепости войсками австрийского

ген. Края, самому броситься на Макдональда¹, шедшего против Суворова из Тосканы (в Средней Италии) через Апеннинские горы в долину р. По, разбить его и затем двигаться на Моро к Турину, покончив с обоими, стянуть все силы русских и австрийцев и идти на Париж. Нужно ли говорить, что гофкрисрат, привыкший, по меткому выражению Суворова, всегда быть битым, не мог согласиться на подобные смелые дерзания; он предписал держаться оборонительного образа действий и все старания направить к покорению крепостей в Северной Италии, с целью удержать в своих руках богатую Ломбардию.

Суворов, верный своему правилу: «удивить — победить», продолжал наступление.

За два месяца он очистил всю Северную Италию. Однако, это вызвало большую разброску сил, а тем временем недобитая армия Моро отошла в Ривьеру Генуэзскую, оправилась от первого своего поражения и готовилась наступать на Северную Италию; в то же время Макдональд должен был двигаться с востока по южному берегу р. По. Обе армии должны были соединиться у Тортоны.

Суворов, узнав в Турине о движении французов с двух сторон, решил собрать свою армию в центральном пункте — Александрии, чтобы не дать им соединиться и броситься на того противника, который появится первым.

Выступив 20 мая из Турина при страшной жаре, по отвратительным дорогам, за 2¹/₂ дня Суворов прошел 100 км и 1 июня прибыл в Александрию. В Александрии под командованием Суворова сосредоточилось 34 тыс. человек. Отданные распоряжения обеспечивали сбор в этом пункте 60 тыс. человек, но вмешательство гофкригсрата помешало этому. Австрийцы не пришли в Александрию на соединение с войсками Суворова. Узнав 2 июня о занятии французами Модены, Суворов решил, что главный враг — Макдональд. Раздумывать было некогда, и Суворов решил недостаток имеющихся у него сил возместить быстротой их действий. Авангард Макдональда 3 июня был у Флоренцолы (20 км юго-восточнее Пиаченцы). Генерал От с 6 тыс. австрийцев из Вогеры повернул обратно и у Пиаченцы встал для обороны. Суворов 4 июня в 22 часа перешел Бормиду, имея на южной дороге русские войска, на северной — австрийские. Он задается целью отрезать русскими войсками французов от гор и, прижав их к р. По,

уничтожить их там. Двигаясь всю ночь и 5-го утром, русские войска подошли к Каstellьно. Отдохнув всего 3 часа, они достигают Каstellжо, голова колонны — Страделлы. Первая задача захватить теснину у Страделлы решена. Недаром войска в сильную жару напрягли все свои силы для этого, сделав за сутки 45 км.

Получив донесение от генерала Ота об отступлении его перед главными силами французов, Суворов немедленно приказывает Меласу идти на поддержку Оту. Сам он с главными силами выступил к Страделле и в 10 час. 6 июня занял ее. Еще 25 км остались позади. В Страделле Суворов намеревался дать отдых войскам, но, получив новое донесение, что французы уже на р. Тидоне, пренебрегая отдыхом, спешит им навстречу. Макдональд, узнав о движении Суворова из-под Александрии, решил разбить австрийцев Ота до прибытия Суворова. 8 часов От выдерживает атаки французов, но принужден отступить. В это время ему на помощь прибывает Мелас. Снова завязывается жаркий бой.

Суворов между тем, не давая ни минуты отдыха своим войскам, ведет их с необыкновенной быстротой навстречу французам. В палящий зной люди не шли, а бежали. Многие падали от изнеможения. Получилась растяжка колонн. Суворов разъезжал среди войск, повторяя:

— Вперед, вперед, голова хвоста не ждет!

Чтобы заставить войска забыть усталость, он приказывал во время движения разучивать 12 французских слов.

Новое известие — неприятель уже на р. Тидоне. Генерал От отступает к с. Джиовано. Суворов приказывает вести войска как можно быстрее, сам же с Багратионом скачет к полю битвы. В 15 час, выехав на холм, с которого видно поле сражения, Суворов наблюдает безотрадную картину. Австрийцы, охваченные с обоих флангов французами отступают. Между австрийцами и южным направлением, выбранным для русских, победно, с огромным подъемом врывается польская дивизия Домбровского, действовавшая вместе с французами. Макдональд не думал здесь встретить Суворова. Только 36 часов назад он был еще в Александрии, в 80 км от р. Тидоны. Повторилось то же, что с великим визирем на Рымнике. Повидимому, Макдональд не отрубил голову тому, кто привез ему сведения о нахождении Суворова в Александрии; однако, войска Макдональда были удивлены появлением его здесь.

¹ Один из французских командующих.

Казачьи полки Грекова и Поздеева несутся на Домбровского, а вслед за ними драгуны Карачая бьют по французам. Оба фланга французам скованы. Суворов переходит в общее наступление. Багратион просит подождать с атакой — в ротах нет и 40 человек, а у Макдональда — по 200.

— Атакуй чем бог послал!

Замечательное понимание природы встречного боя — «удивить — победить»!

И 19 тыс. суворовских богатырей бьют 22 тыс. учеников Наполеона. Заставляют французам отступить к Треббии. Макдональд ожидал прибытия дивизии Оливье и Монтришара, которые находились в одном переходе от него, чтобы возобновить атаку против Суворова. Моро должен был действовать ему в тыл. 7 июня французы возобновили наступление. Суворов предупредил его и в 10 часов того же дня тремя колоннами, имея главную группировку на юге, двинулся навстречу противнику к р. Треббии. Завязывается жестокий бой между Тидоной и Треббией. У Макдональда со второй половины дня (с прибытием Оливье и Монтришара) — 35 тыс., у Суворова — 24 тыс., — полуторное превосходство на стороне французам; тем не менее Макдональд терпит поражение и вынужден с большими потерями отходить за Треббию. До поздней ночи противники стояли, разделенные этой рекой, и вели оживленную перестрелку. Предстоял третий день боя.

На 8 июня оба противника назначают новое наступление. Суворов подтверждает войскам старую задачу, напоминает Меласу, что отряд Фрелиха и 10 эскадронов Лихтенштейна обязательно нужно вести за средней колонной.

Макдональд, с своей стороны, ставит такую задачу своим войскам: Виктору, Руска и Домбровокому — 14 тыс. — сбить и обойти союзников с юга; Ватреню и Сальму — 7 тыс. — с севера; Оливье и Монгришару — 11 тыс. — бить союзников по центру. Предусматривается двойной охват. На поле боя на сей раз встречаются 23,5 тыс. Суворова с 35 тыс. Макдональда. На всех направлениях почти полуторное превосходство у французам. Главному удару Суворова — 12 тыс. — противостоят 14 тыс. Макдональда. Оба противника активны. Оба ставят ставку на быстроту и решительность действий. В то время, когда суворовские войска становились в ружье, французы начали наступление. Завязался жаркий бой.

Суворов, увидя обход своего правого фланга дивизией Домбровского, посылает против нее своего любимца Багра-

тиона. От остальных войск требует внимания к югу. Дивизия Домбровского уничтожена; около 300 человек из нее спаслись за р. Треббия. Но в это время пять батальонов Швейковского окружены 15 батальонами Виктора и Руска. Суворов возвращает Багратиона к себе, и количество сил у обеих сторон более или менее уравнивается. Розенберг не выдерживает напора французам и просит Суворова об отступлении. Суворов, изнемогая от жары, лежит в одном нижнем белье около большого камня.

— Попробуйте, — говорит он, — сдвинуть этот камень. Не можете! Ну, так я не могу разрешить отступить. Извольте держаться крепко и ни шагу назад.

Но вот докладывает Багратион:

— Убыль велика, ружья от грязи не стреляют, войска в изнеможении, не могут больше драться.

— Нехорошо, князь Петр, — сказал Суворов. — Коня! — кричит он.

И как был в рубашке, поскакал к войскам. Вмиг все ожило: и ружья стали стрелять, и усталости как не было. Увидев одну расстроенную отступающую часть, Суворов присоединился к ней. Скача впереди ее верхом на своей лошади, он кричал отступающим:

— Заманивай, заманивай!

Когда отступавшая часть с удивлением стала вслушиваться в то, что ей говорил главнокомандующий, Суворов вдруг неожиданно остановился. Круто повернувшись к отступающим, он скомандовал:

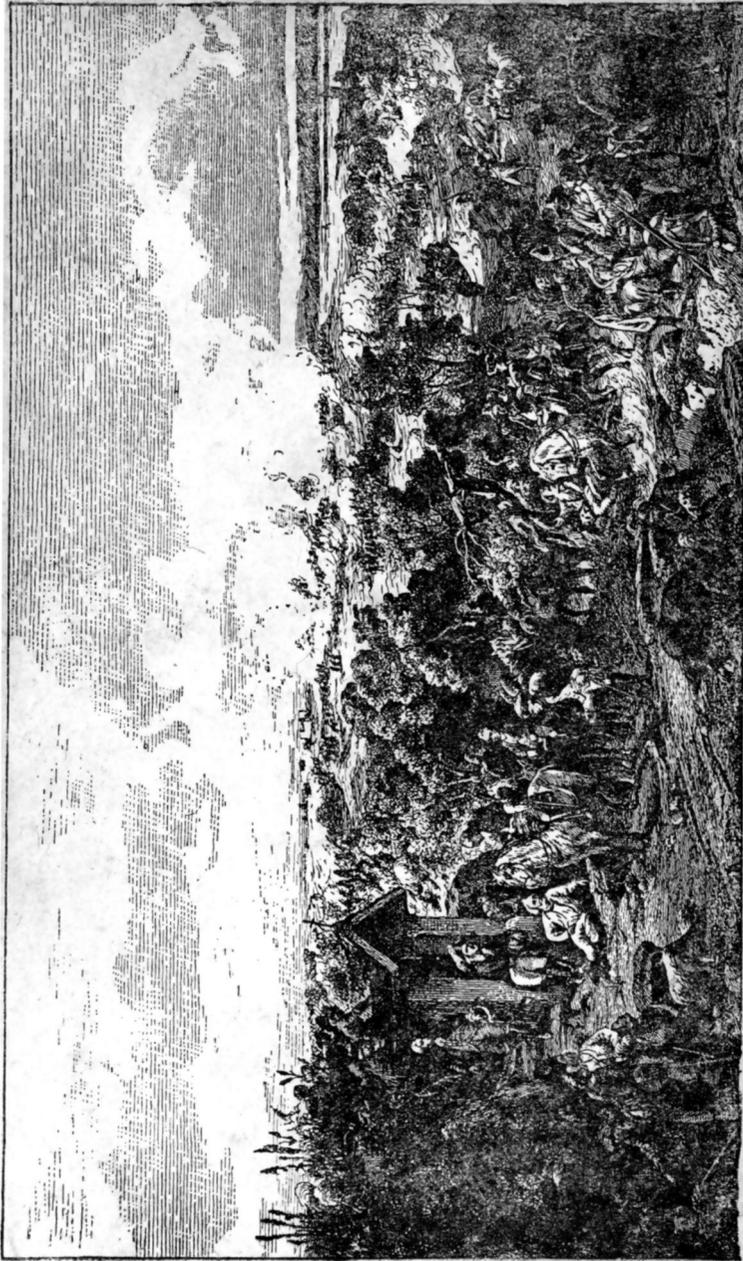
— Довольно, а теперь на врага!

Приведенная было в полное расстройство часть по команде Суворова повернула обратно и с новыми силами двинулась на противника.

Одновременно Багратион ударил по тылу противника. Удар был настолько стремителен, что французы сочли отряд Багратиона за прибывшие к Суворову свежие подкрепления и быстро отошли за Треббию.

Суворову, однако, не удалось развить успеха. Мелас опять не выполнил его приказа, удержав при себе на пассивном участке отряд Фрелиха.

Наступила ночь. Уже три дня продолжалось сражение. Долина р. Треббии вся была завалена трупами. Обстановка сложилась тяжелая. Макдональд не был окончательно разбит, а в тылу Суворова, всего в двух переходах от него, на помощь к Макдональду спешит армия Моро. Тем не менее Суворов решает продолжать наступление.

Сражение у Треббии

Что в это время делалось у Макдональда? Для него, почти так же как и для Суворова, обстановка рисовалась крайне тяжелой: перед фронтом — Суворов, в тылу — австрийцы Край и Гогенцоллерн находились, примерно, в таком же расстоянии, как Моро от Суворова.

Макдональд собирает военный совет. Генералы единогласно заявляют об огромных потерях. Многие полки истреблены полностью; конница убавилась наполовину; дальнейшее сопротивление невозможно. Решено отступить. Ночью начался отход французов. Суворов узнал об этом в 4 часа, немедленно организовал преследование. Но австрийцы дошли только до Пиаченцы, а русские настигли арберггард французов и истребили его целиком. Из 35 тыс. бывших у Макдональда на Треббии ему удалось вывести около 12 тыс. чел., совершенно упавших духом. Кроме того, добычей противника оказалось 6 пушек, 7 знамен и почти весь обоз.

23,5 тыс. Суворова разгромили 35 тыс. Макдональда. Настойчивость полководца, отвага войск, хорошая выучка и отличное управление в бою торжествовали победу. Движение Суворова из-под Александрии к Треббии и разгром сильнейшего противника на этой реке относятся к числу величайших образцов военного искусства. Военные писатели в один голос заявляют, что если бы за Суворовым не было никаких заслуг раньше, то за одно движение к Треббии и бой 6—8 июня он заслуживает быть отнесенным к числу великих полководцев.

Моро, противник Суворова, ставил его не ниже Наполеона. Он говорил:

— Что вы скажете про человека, который уложит всех, ляжет сам, но не даст приказа отступить?

Таков был Суворов, и эту черту он воспитывал в себе с детства. «Победивши, действуй по обстоятельствам», учил Суворов, и после победы над Макдональдом он поворачивается с удивительной быстротой против Моро, но последний не пожелал повторять уроков Макдональда и отступил обратно к Ривьере.

Прибыв обратно в Александрию, Суворов получил сухой рескрипт Франца, в котором напоминалось ему, как о главной задаче, — взять крепость Мантуа, для чего пока отказаться от всяких других действий и неверных предприятий.

17 июня Мантуа была, наконец, взята. Суворов задавался решительной целью: наступлением на Ривьеру и Геную изгнать совершенно армию Моро из Италии и лишить ее

возможности когда-либо соединиться с армией Макдональда, Последний занятием Генуи был бы поставлен в очень тяжелое положение.

Помехи со стороны гофкригсрата сковали такие планы Суворова; он принужден был заняться взятием мелких крепостей и на этом потерять больше месяца драгоценного времени.

Другое думали в это время во Франции. Угрозы Суворова были так велики, что французское правительство признало итальянский театр войны главным. Спешно пополнив разбитые армии Моро и Макдональда, французское правительство приложило все усилия, чтобы соединить их вместе, что к концу июля 1799 г. ему и удалось осуществить.

Таким образом, на глазах союзников в Ривьере снова выросла армия французов в 45 тыс. человек. 24 июля молодой талантливый Жубер встал во главе этой армии. Моро остался при нем в качестве помощника. 29 июля Жубер начинает наступление. Перед рассветом 3 августа французы появились на высотах у Нови, на пути к Тортоне. Они обложили Серравалле; Сен-Сир крупными силами занял Нови.

Суворов с 24 июля начал получать сведения о наступлении французов, но окончательно выяснилось только 1 августа, что они двигаются долинами рр. Бормиды и Скривии. Суворов решил, так же как и на Кинбурнской косе («Пусть все вылезут»), дать французам спуститься в равнину и там их разбить. Передовым войскам приказано было выманивать врага из гор.

В районе Нови, на склонах предгорий, Жубер остановил войска и сам с Моро и Сен-Сиром выехал на высоту у Нови для рекогносцировки. Перед ними открылась равнина, занятая союзными войсками. Прямо у Поцоло-Формигаро стояли 9,5 тыс. Багратиона и Милорадовича, у Ривальты виднелись 15 тыс. Меласа и Дерфельдена, на р. Обра — 27 тыс. Края и Бельгарда, у Тортоны — 13,5 тыс. Розенберга и Алокаины.

Страшный Суворов со всеми войсками был прямо перед ними. Что делать? Ити вперед — безрассудно, отступить — стыдно. И вот, как всегда в таких случаях, собирается военный совет. Целый день спорят, генералы настаивают на отступлении. Кому захочется, не испытав военного счастья, начать с отступления! Жубер колеблется, никакого решения не принимает. Он считает, что у него есть еще

время подумать, и обещает к утру дать свои распоряжения.

Но французы забыли, что перед ними Суворов, который не любил давать противнику времени на обдумывание. Увидев, что французы не спускаются в равнину, Суворов решает 4 августа разбить их в горах. Местность, на которой предстояло дать бой, — последние отроги Апеннин, между долинами рр. Скривии и Обры. Большое превышение, сильно пересеченная местность, виноградники у Нови, высокие каменные стены города, многочисленные сады — все это давало большие выгоды французам для упорной обороны.

Суворов предложил атаковать противника по его левому флангу. Край вызвался начать нападение. Фельдмаршал одобрил такое предложение австрийского генерала. Багратион и Милорадович после того, как начнет сказываться удар Края, должны были повести наступление на Нови. Суворов был уверен в победе; он приказал Меласу забирать в плен войска, которые будут отрезаны движением Края.

Еще до рассвета выступил Край, и с первыми лучами солнца на левом фланге французов завязалась перестрелка. Главнокомандующий Жубер, услышав перестрелку, сам поскакал туда. Он увидел грозное приближение 27-тысячного корпуса Края, бросился в цепь застрельщиков, но по дороге случайной пулей был сражен насмерть. Моро принял командование над французской армией.

Первые атаки Края захватили французов врасплох и проходили успешно. Кавалерия французов совсем была отеснена. Австрийцы приблизились к подошвам высот. Многочисленная артиллерия их открыла сильный огонь. Пехота смело ринулась в атаку. Правые колонны австрийцев уже обошли левый фланг неприятельской позиции, одна из бригад дивизии Лемуана была совсем сбита, и австрийские батальоны поднялись уже на гребень горы. Казалось, победа была близка.

Моро, между тем, увидя опасность, послал за подкреплением к Сен-Сиру. Последний немедленно отрядил бригаду Колли. Прибытие свежей бригады и одновременное наступление из Пастураны резервов Клозеля и Партуно дало делу другой оборот. В одно мгновение австрийские войска были сбиты с высот и принуждены были отходить.

Около 9 час. Суворов приказал Багратиону взять Нови, Милорадовичу — поддержать его, Краю — возобновить

свою атаку. Жестокая битва продолжалась до **13** часов. Суворов ввел в дело третий уступ своего боевого порядка — отряд Дерфельдена, но успеха не было. Противники были изнурены. Наступила тягостная заминка.

Тогда Суворов вводит в бой свои последние резервы. Он приказывает Меласу обрушиться на правый фланг французов, а Розенбергу прибыть в Ривальту с задачей преследования. В **16** час. бой разгорелся вновь. Французы использовали передышку умело. Они укрепили свои позиции, поставили по высотам артиллерию и приготовились к длительной обороне.

Однако, никакая позиция не спасла их. В руках Суворова даже австрийцы умели заходить во фланг и тыл. Русские неудержимо катились к Пастуране, где теснина была загромождена повозками и трупами лошадей. В **18** час. вся масса французских войск дрогнула, Пехота, артиллерия и кавалерия — все бросилось опретью через поля, овраги и рытвины. Каждый искал спасения, как мог. Только ночь спасла французов от окончательного истребления.

Блестящая победа, однако, досталась дорогой ценой. Около **8** тыс. насчитывалось выбывших из строя. Потери французов были еще больше: **6 500** человек убитых и раненых, **4 500** человек пленных, среди них **4** генерала (Перинной, Груши, Колли, Партуно); почти вся артиллерия, **4** знамени и весь обоз достались союзникам.

Сражение при Нови относится к числу наиболее кровопролитных сражений военной истории.

Войска, изнуренные **16**-часовым боем, тут же на поле боя заснули. Не спал один Суворов. Он уже готовил распоряжение на наступление с рассветом на Ривьеру Генуэзскую и вдобавок ко всему охранял покой войск. Ночью французы, притаившиеся в Нови, видя, что все заснуло, решили напасть на караул и поднять тревогу. Суворов лично руководил уничтожением их. Благодаря его личному вмешательству порядок моментально был восстановлен.

Желаниям Суворова добить врага наступлением на Ривьеру не суждено было осуществиться. Оказалось, что австрийцы умышленно не заготовили продовольствия и мулов для горного похода. Мелас на другой день доложил, что ему гофкригсратом приказано выделить **9** тыс. человек в Тоскану и что он уже сделал соответствующие указания. Распоряжение Меласа через голову фельдмаршала было не первым оскорблением русского полководца. Тупость и

зависть делали свое дело. Союзу русских с австрийцами подходил конец.

Сражением при Нови и закончился итальянский поход Суворова. Все задуманное им в этом походе было приведено в исполнение. Не доведено до конца то, чему помешали австрийцы.

Три раза наносит Суворов поражение искусному и сильному противнику. В несколько недель завоевывает всю Северную Италию. Несмотря на козни гофкригсрата, Суворов по очереди разбивает трех лучших полководцев Франции. Ему не пришлось только встретиться и померяться силами с Наполеоном. Тот был в то время в Египте. Ученики же Наполеона все, как один, боялись «страшного» Суворова.

Весь поход Суворова в Италию является образцом военного искусства, проявлением великой силы и настойчивости русского полководца, прославившего в нем себя и свои суворовские войска,

О Суворове говорил весь мир. Специальным приказом предписано было всем войскам отдавать ему положенные почести, даже в присутствии императора. В театрах читали стихи, посвященные Суворову. В Англии второй тост после короля поднимали за Суворова. Каждый англичанин хотел иметь его портрет. Газеты и журналы были полны статьями о нем.

Немногим полководцам при жизни суждено было пользоваться подобной славой.

ШВЕЙЦАРСКИЙ ПОХОД

(СХЕМА ВКЛАДКОЙ В КОНЦЕ КНИГИ)

После продолжительных переговоров венского, петербургского и лондонского кабинетов было выработано новое распределение сил. Главной целью ставилось изгнание французов из Швейцарии. Вся тяжесть выполнения этого плана ложилась на русские войска. Не имея никаких специальных интересов в Швейцарии, Россия Павла I должна была проливать свою кровь за то, чтобы англичане, занимая одну французскую колонию за другой, превращались в мировую державу, а Австрия присоединила к себе Северную Италию, завоеванную трудами Суворова. Кампании швейцарская и итальянская с политической стороны не представляют для нас особого интереса, но они интересны и важны с военной точки зрения. Они показывают исключительные примеры высокой доблести русской армии, они рисуют необыкновенные военные способности величайшего из полководцев мира — гениального Суворова.

В конце августа 1799 г. Суворов получил письмо эрцгерцога Карла о новом плане войны, а через два дня — приказ императора Павла о походе в Швейцарию.

Сдав командование в Италии австрийскому генералу Меласу, Суворов 11 сентября двумя колоннами выступил из Асти и Александрии в Таверну, проделав более 150 км за 6 дней. В Таверне Суворов издал наставление для действия войск в горах и реформировал состав колонн с таким расчетом, чтобы каждая из них, в случае нужды, могла вести бой самостоятельно. Вся суворовская армия, вступившая в Таверну, состояла из 21 тыс. человек, из них пехоты 15 600, кавалерии 3 700, артиллерии 1 500 и сапер 200 человек. Делилась армия на два корпуса — Розенберга — около 7 тыс. человек и Дерфельдена — 14 тыс. человек.

В Швейцарии к суворовским войскам должны были присоединиться: корпус генерала Римского-Корсакова — около 25 тыс. человек и австрийский фельдмаршал Готце с 25 тыс. человек. Кроме того, до прибытия Суворова в Швейцарии должна была находиться австрийская армия эрцгерцога Карла.

Происками венского кабинета, безусловно умышленно, армия эрцгерцога Карла была уведена из Швейцарии ранее прибытия туда Суворова. Не раз история отмечала подобные случаи и до и после этой кампании. Союзники-австрийцы обычно в предвидении дефежа добычи старались возможно больше обескровить своего партнера, чтобы при дефеже ее выглядеть сильнее его. Но это им мало помогало.

После ухода австрийской армии из Швейцарии на стороне французов создалось большое преимущество — 92 тыс. человек против 50 тыс. союзных войск. Французский главнокомандующий генерал Массена решил использовать свое преимущество и изгнать союзников из Швейцарии, прежде чем прибудет туда Суворов.

Общую атаку Массена назначил на 25 сентября, тогда как Суворов предполагал подойти к Цюриху 28-го числа. И в то время, когда Суворов, преодолевая невероятные трудности, 24—25 сентября выбивает противника с Сен-Готардского перевала и Чортова моста, Массена всеми силами обрушивается на Римского-Корсакова и Готце. В течение 25—26 сентября он наносит им сокрушительные удары. Корсаков и Готце совершенно разбиты. Готце убит. Русские отступили к Шафгаузену. Положение Суворова становится безвыходным.

Последуем за ним и поучимся на этом блестящем примере мужеству и выдержке этого исключительного человека.

На Сен-Готарде — 8,5 тыс. французов Лекурба. Местность удваивала их силы. Суворов лобовым ударом Дерфельдена сковывает противника, а Розенберг тем временем пущен в обход хребта Лукмайера к д. Урзен. Лекурб был окружен, и все пути в долину Рейссы были ему отрезаны. В этом положении Лекурбу ничего другого не оставалось, как бросить все орудия в Рейссу, а с войсками ночью через хребет Бетцберг перебраться вновь в долину Рейссы у д. Гешенен. Всю ночь французы с шипами на подошвах карабкались по горам, и к углу Лекурб опять преградил дорогу Суворову у единственной переправы через р. Рейссу у Чортова моста.

Утром **25** сентября Суворов одной колонной двинулся к Альторфу. Предстояло совершить новый подвиг. В **1 км** от д. Урзен горная река течет сквозь «Урзернскую дыру» среди отвесных утесов, огибая гору и круто спускаясь к Чортову мосту над р. Рейссой. У моста река с шумом рвется через трещину, пенясь и клубясь водопадами на глущине в **25 м**. Проложенная в этом месте тропа дважды огибает крутые скалы и, переходя с берега на берег, перед д. Гешенен выходит из ущелья.

Нескольких стрелков было достаточно, чтобы задержать здесь наступление Суворова. На рассвете полк Мансурова подошел к «Урзернской дыре». Голова полка была встречена пушечным и ружейным огнем французов. Пробраться невозможно. Тогда, **300** охотников полковника Трубникова, майор Тревогин с **20** егерями и батальон полковника Свищева, карабкаясь по отвесным скалам, заходят французам в тыл и принуждают их покинуть «дыру».

Но два батальона Лекурба, стоявшие за мостом, успели разобрать часть спуска. Открылась стрельба в упор. Тогда совершается новый обход частями генерала Каменского, и французы окончательно оставляют мост. К **16** час. мост был открыт для движения русских. Не оказалось ничего невозможного для суворовских войск. Одолев искусного врага и неприступные препятствия, созданные природой, войска Суворова **26** сентября благополучно прибыли в Альторф. Оставался один переход до Швица, где намечено было соединиться с остальными силами союзников и где были заготовлены необходимые припасы.

Смелый замысел вождя, казалось, был близок к осуществлению.

Но у Альторфа Суворов узнал, что прямой дороги на Швиц по берегу Люцернского озера нет и никогда не было. Есть только две тропинки из Шахенской долины в Муоттенскую через снеговой хребет Росшток, но даже опытные охотники в эту пору считали их непроходимыми. О союзных войсках сведений нет, а среди жителей ползли слухи, что накануне в жестоком бою французы одержали над ними решительную победу.

Как могло случиться, что только в Альторфе Суворов узнал об отсутствии дорог на Швиц? Известно, что по первоначальному его плану соединение должно было произойти в районе Гларис. Он изменил этот район на Швиц по совету австрийцев, которые должны были представить все сведения о путях движения. Суворов неоднократно на-

поминал им об этом. Многие иностранные писатели признают, что австрийцы умышленно тянули Суворова к Альторфу.

Как бы там ни было, но войскам Суворова предстояли новые невероятные трудности. Ни минуты не колеблясь, Суворов принял решение двинуться к Швицу по кратчайшему направлению, не обращая внимания на трудности.

Горный хребет между долинами рр. Рейссы и Шахена с одной стороны и долиной Муотты с другой возвышается в среднем на **2 000 м** над уровнем моря, на **1 500—1 600 м** над дном долин. Изнуренные войска от подножия горного хребта пошли по еле заметной тропинке, которая чем выше, тем становилась хуже и местами совсем пропадала. Суворов, несмотря на свои годы, шел пешком с передовыми частями. Постоянно бодрый и веселый сам, он не позволял хандрить и своим людям. Увидев кучку людей, отказавшихся в изнеможении идти дальше, он весело затянул песню: «Что с девушкой случилось, что с красною случилось?». И усталые люди, где шуткой, где песней приободрились и шли дальше. Подъем был труден, но спуск еще труднее. Багратион, любимец Суворова, — всегда на самых трудных местах. В данном случае он шел в авангарде.

Спустившись в долину, Багратион узнает, что деревня занята французами. Не раздумывая долго, он бросается на них в атаку. В результате половина противника переколота, другая сдалась в плен. Весь авангард Багратиона собрался у д. Муоттен поздно ночью. Вместо отдыха пришлось стоять в готовности под ружьем, так как недалеко, у Швица, был неприятель, хвост главных сил вытягивался от Альторфа, а весь путь от этого пункта до Муоттена был покрыт одиночными людьми и мулами, напрягающими последние силы для преодоления страшных подъемов и спусков.

Два дня тянулись войска Суворова от Альторфа до Муоттена. Все это время Лекурб пытался атаковать Розенберга, прикрывавшего путь колонне русских, но каждый раз безуспешно. **28** сентября войска Суворова, наконец, собрались в Муоттенской долине. Гларис и долина Кленваль были заняты противником, а об отряде Линкена ничего не было известно.

От местных жителей Суворов узнал, что Римский-Корсаков и австрийцы разбиты. Что делать? Итти к Швицу безрассудно. Отступить — стыдно: русские и Суворов никогда

не отступают. Единственное, что осталось делать, — это пробиваться на Гларис, на соединение с австрийцами. А как войска, готовы ли они после стольких мучений на новые подвиги? Суворов собирает военный совет. Свою речь он заканчивает так:

— Помоги нам ждать не от кого; одна надежда — на величайшую храбрость и высочайшее самоотвержение войск, вами предводимых. Это одно остается нам. Предстоят труды величайшие, небывалые в мире; мы на краю пропасти... Но мы русские. Спасите честь и достоинство России.

За всех ответил Дерфельден:

— Отец, Александр Васильевич! Мы видим и знаем, что нам предстоит; но ты ведь знаешь, знаешь, отец, ратников, преданных тебе душой, безотчетно любящих тебя, верь нам, клянемся, за себя и за всех; что бы ни встретилось, в нас ты, отец, не увидишь ни гнусной трусости, ни ропота. Пусть сто вражьих тысяч станут перед нами, пусть горы эти втрое, вдесятеро представят нам препон, — мы будем победителями и того и другого, все перенесем и не посраим русского оружия, а если падем, то умрем со славою. Веди, куда думаешь, делай, что знаешь, мы твои, отец... Мы русские.

После слов «клянемся» Суворов поднял голову, открыл блестящие глаза и начал говорить:

— Благодарю, спасибо. Разобьем врага, и победа над коварством... Будет победа.

После этих слов он подошел к столу и продиктовал приказ. Сущность его сводилась к следующему. 30 сентября Ауфенберг движется к горе Прагель, по дороге на Гларис, сбивает французов и гонит их возможно дальше; на следующий день по той же дороге идет Багратион, за ним дивизия Швейковского. Розенберг и Ферстер из корпуса Дерфельдена остаются в Муоттенской долине для удержания стоявшего у Швица противника, пока все прочие не пройдут через Прагель.

Ауфенберг сбил на горе Прагель неприятельский пост и спустился в Кленталь. 1 октября двинулся за ним Багратион, за Багратионом Швейковский. Около 15 час. Багратион спустился в Кленталь, где Ауфенберг с утра вел бой с Молитором, который, будучи уверен, что Суворов погиб в Муоттенской долине, послал Ауфенбергу предложение о сдаче. Ауфенберг уже вступил в переговоры, но в это время подоспел Багратион. Ударом в лоб и обходом с обоих флангов он сбил Молитора и прижал его к теснине между

озером и отвесными горами. Выход в долину Линты был освобожден.

В то же время Розенберг блистательно выполнял задачу прикрытия. В распоряжении Розенберга вместе с дивизией Ферстера в Муоттенской долине было около 8 тыс. человек. Массена, подтянув к Швицу все, что мог, собрал 11 тыс. и с этими силами решил атаковать Суворова в Муоттенской долине и уничтожить его там. Утром 1 октября Массена двинулся из Швица через Шененбург вдоль старой дороги к Каменному мосту на р. Муотте.

Около полудня голова французской колонны подошла к Хинтер-Ибергу и стала оттуда наступать на Клинтобель. Передовые посты Розенберга открыли огонь, но после жаркой перестрелки отошли к главной сторожевой линии между Гесигном и Бюлем. Здесь также французы были встречены сильным огнем и вынуждены были развернуть главные силы. Однако, сторожевые части не приняли атаки крупных сил и отошли на главную позицию.

Розенберг построил свои войска в боевой порядок к западу от д. Муоттен на равнине шириною 800—1 000 м. Первая линия, образованная из бывшего резерва передовых постов, построилась в три шеренги, вторая линия, также в трехшереножном строю — метрах в 300 сзади. Еще дальше, в резерве, полки Ферстера, Валецкого и Тырнова. Кавалерия поставлена на флангах. В таком расположении ожидали атаки противника.

Французы наступали в своем обычном боевом порядке: впереди густая цепь стрелков, позади в стройном порядке, в ногу, с оркестром и барабанным боем — главные силы, построенные в три большие колонны, из которых две на правом и одна на левом берегу р. Муотты; орудия — в голове каждой колонны.

Передовые войска Массена, энергично тесня отступавшее сторожевое охранение русских, перешли р. Муотту и очутились перед сомкнутой линией главной позиции русских. С обеих сторон поднялся горячий ружейный и картечный огонь. Французы повели решительную атаку. Первая линия русских войск поколебалась и начала отступать, но в это время вторая линия в сомкнутом порядке вдвинулась в первую, и после нескольких залпов обе линии с наклоненными штыками устремились на французов. Это было, по рассказу местных жителей, грандиозное зрелище. Во всю ширину долины сразу на всем фронте столкнулись боевые линии противников. На флангах атаку русских поддерживали казаки.

Напрасно задние французские колонны выдвигались для поддержки своей первой линии, пытались остановить беглецов и отбросить русских. Натиску последних ничто не могло сопротивляться; их порыв опрокидывал все, что им встречалось на пути. Французские силы поколебались и начали общее отступление, которое под напором пехоты и кавалерии русских превратилось в паническое бегство.

Воспоминание об этом бое долго жило среди местных жителей. Швейцарцы часто говорили:

— Кажется, уж мы хорошо дрались у Шинделлеги и Ротентурма; однако, ничто не может сравниться с русскими.

Потери французов были огромны: 3 тыс. убитых и раненых, более 300 человек утонуло, около 200 человек сорвалось со скал и погибло, был взят в плен один генерал, командир 108-й полубригады Лакур. За свое наступление в этом месте французы заплатились третью своих сил.

Так была выполнена задача по прикрытию отхода. Обстановка принуждала Розенберга к отходу. Он прибегает к хитрости и распускает слухи, что завтра двигается на Швиц; приказывает заготовить продовольствие в районе Швица на 12 тыс. человек. Слухи приковали внимание противника, хотя и без этой хитрости вряд ли французы отважились бы в третий раз проникнуть в роковое для них ущелье.

На рассвете 2 октября Розенберг выслал вперед через Прагель 1 200 человек пленных под прикрытием одного батальона. За пленными следовал корпус Розенберга, в хвосте колонны шли казаки, которые покинули долину только 3-го утром. Ночь со 2 на 3 октября войсками была проведена в пути в невероятно трудных условиях: в горах шел снег, а в долинах лил проливной дождь. Преодолев все трудности, утром 4 октября последние всадники отряда Розенберга подошли к Гларису.

Не тревожимый французами Суворов, ожидая своего арьергарда, провел 2 и 3 октября в лагере у Глариса.

4 октября на военном совете решили пройти через Швайден и Эльм в долину р. Рейна. После трудных маршей через Кинциг-Кульм и Прагель предстояло преодолеть горный перевал, который в это позднее время года обещал еще больше трудностей, чем в предшествовавшие дни. Прикрытие этого движения было поручено Багратиону, который геройски выполнил возложенную на него задачу, отбив все атаки энергично наседавших на него войск Молитора.

Переход Суворова через Альпы

Вечером 5 октября армия Суворова собралась в Эльме. На следующий день она преодолела перевал Паниксер, покрытый более чем полуметровым слоем снега, проведя ночь с 6 на 7 октября на этом перевале. Вечером 7 октября главные силы достигли Паникса,

Трудности остались позади. 12 октября Суворов со всей армией был уже в Фельдкирхе, где нашел обоз и артиллерию, высланные им из Италии.

Едва успели войска немного оправиться от перенесенных ими чрезвычайных трудов, как Суворов 13 октября послал эрцгерцогу, стоявшему лагерем в Донауэшингене, предложение о совместном наступлении через Рейн. Наступление это по вине австрийцев не состоялось.

* * *

Поход Суворова в Швейцарию не достиг своей цели; однако, армия, его выполнившая, заслуживает высокой славы. Чтобы перенести такие труды, чтобы посреди постоянных опасностей и находясь часто в отчаянном положении не потерять доверия к начальникам, постоянно проявлять мужество и выносливость, — для всего этого нужна была железная воля полководца, слепая вера в него со стороны войск и закаленная многими боями настойчивость всех — от рядового бойца до генерала.

Если Моро говорил, что за одно движение к Треббии Суворов заслуживает звания великого полководца, то Массена сказал, что он отдал бы все свои 48 походов за один швейцарский поход Суворова.

Вся Европа с замиранием сердца следила за этим походом. В конце октября были получены сведения об успешном окончании похода; ликование русских не было конца. Побеждая во всю свою жизнь сильнейших врагов, Суворов швейцарским походом увеличил свои лавры и окружил свое имя славой непобедимого героя.

За итальянский и швейцарский походы Суворову было присвоено звание генералиссимуса.

Планам нового наступления на Швейцарию не дано было осуществиться. Несогласия союзников привели к тому, что Суворов вынужден был уйти в Богемию к Аугсбургу, где и встать на зимние квартиры. Ставка разместилась в Праге, нынешней столице Чехословакии. Пребывание Суворова в Праге превратилось в сплошной праздник. Русский полководец был в центре внимания всей Европы, отовсюду получал он знаки уважения и почести.

Война окончилась, и 27 января 1800 г. русская армия двинулась двумя колоннами в свое отечество.

По дороге к Кракову Суворов почувствовал себя плохо; он сдал командование армией Розенбергу, простился трогательным письмом с войсками и направился дальше один. Долго боролся Суворов с болезнью, но годы и понесенные труды подорвали его силы. Суворов вынужден был прервать путешествие и слечь в своем Кобринском имении.

Особые знаки внимания, оказанные Суворову императором, приезд в Кобринское, по его поручению, сына генералиссимуса Аркадия Александровича подняли настроение больного. Суворов встал с постели и начал вести обычную для него жизнь. Врачи разрешили ему даже продолжать путь. Суворова ожидала торжественная встреча в Петербурге. Однако, все обернулось иначе. Завистники Суворова, пользуясь его отсутствием из столицы и медленным путешествием к ней, успели оклеветать Суворова в глазах Павла. В письме последнего от 2 апреля говорилось следующее: «Господин Генералиссимус, Князь Итальянский, Граф Суворов Рымникский. Дошло до сведения моего, что во время командования вами войсками моими за границей имели вы при себе генерала, коего называли дежурным, вопреки всех моих установлений и высочайшего устава; то и удивляюсь оному, повелеваю вам уведомить меня, что вас понудило сие сделать».

Одновременно с посылкой такого письма были отменены все распоряжения о торжественной встрече Суворова в столице. Удар, нанесенный Суворову, оказался для него крайне тяжелым. Не снесло этого надломленное здоровье глубокого старика. Суворов остановился в первой литовской деревне поблизости от Вильны. Там в бедной крестьянской хате лежал покинутый всеми знаменитый русский полководец.

Оправившись немного, он 3 мая, не замеченный никем, тайком въехал в родную столицу и остановился здесь у одного из своих родственников Хвостова. Но враги узнали о прибытии Суворова в Петербург. От Павла было получено извещение не являться к нему на прием. Это была последняя капля яда, добившая старика.

19 мая 1800 г. величайший в русской истории полководец, один из семи великих полководцев мира, поднявший славу русского оружия на небывалую до того высоту, умер в полной неизвестности на чужой квартире у приютившего его из милости дальнего родственника.

СУВОРОВСКАЯ СИСТЕМА ВОСПИТАНИЯ И ОБУЧЕНИЯ

Доброе имя — удел каждого человека; но я заключал доброе имя в славу моего отечества и все успехи относил к его благосостоянию.

Из письма Суворова к Бибикову.

В основу воспитания Суворов клал любовь и преданность родине и сам в этом отношении во все периоды жизни и даже в бытность его в опале служил тому ярким примером.

Всю жизнь свою он упорно, не покладая рук, работал над прославлением отечества, и не было таких жертв, которых он не принес бы на алтарь славы своей родины. За всю долгую жизнь, побеждая многочисленных врагов, Суворов ни разу не поставил перед собою того вопроса, который являлся характерным для его более молодого современника Наполеона: «Долго ли буду побеждать для других, не пора ли поработать на себя?» Суворов побеждал врагов не для себя, а для прославления своего отечества. Солдаты о нем говорили: «Он везде с нами — и в походе, и в бою, только его нет с нами в дележе добычи». Суворов был бескорыстен как в малых, так и в больших делах. Этого он добивался всеми мерами и от своих подчиненных. Нравственной стороне дела он всегда придавал очень большое значение. Содержание ставил выше формы. Развитие до наивысших пределов активности и энергии в войсках было постоянной его заботой.

«Глазомер, быстрота и натиск — основа победы», десятки раз повторял Суворов. На всех своих учениях он развивал в каждом солдате и офицере умение вмиг схватить положение неприятеля и, используя его оплошность, моментально со всей решительностью и энергией обрушиться на него своими силами.

Суворов всегда поощрял удаль и находчивость, одновременно терпеть не мог «немогузнайства», нерешительности, растерянности и страха перед лицом опасности. Воспитание частного почина пронизывало всю его систему: «Я вправо, должно влево — меня не слушать».

С большой заботливостью воспитывал он в войсках веру в себя. Всегда обращался к солдатам с ободряющими словами:

— Все вы, вся ваша рота, весь полк, все, все — чудо-богатыри. Все вы молодцы. Все русские. Все богатыри, витязи. Какую топь перелетели! Какие крепкие батареи вы взяли! Ура!

После каждого учения, после каждого дела он всегда находил за что похвалить и часто обращался к солдатам с подобными речами. Многих старых солдат он знал лично. Каждому была своя боевая кличка — сокол, орел, богатырь и т. д.

От простых и всегда искренних слов Суворова загорались солдатские сердца.

Всегда строго наблюдал, чтобы все положенное солдату доходило до него и доходило во-время. Совершая большие марши при тогдашних ничтожных средствах (походных кухонь еще не было), он все же ухитрялся исправно кормить своих солдат.

Приучал их к постоянному труду, говоря, что труд здоровее покоя. «Нужно достаточное, но не обремененное отдохновение», говорил он, в то же время рекомендуя остерегаться вредного изнурения. Учил только тому, что нужно на войне. «Экзерцирование мое было не «на караул» и не «на плечо», но прежде поворотливость, потом различное маневрирование, а потом уже приемы, скорый заряд и копец — удар в штыки».

Сознательное восприятие прививалось им, а не муштра. Наглядность, простота и усердие в учебе — вот основные требования Суворова.

«Тяжело в учении — легко в походе: легко в учении — тяжело в походе», говорил Суворов.

Дисциплина строгая.

В одном из своих приказов Суворов требует: «В случае оплошности взыскивать и без наказания не оставлять, по-неже ничто так людей ко злу не приводит, как слабая команда. Почему за прегрешения неослабно наказывать».

Особенно строг он был в походе и в строю. Это, однако, не мешало его общению с солдатами. Он часто на походе въезжал в колонну и поучал солдат. В эти минуты все тесным кольцом окружали его и так толпой шли дальше. Это беспорядком не считалось.

Суворовская дисциплина была основана на сознании: в то время это считалось не только новшеством, но чуть

ли не преступлением. Прусская школа (Фридрих II) считала, что солдат должен бояться палки капрала больше, чем пули неприятеля. Поступки солдата определяются прежде всего страхом перед наказанием. Суворов никогда не допускал унижения солдат. Телесные наказания в его войсках были редки.

Обучая свои части, Суворов делает все, чтобы закалить людей и развить у них выносливость.

Переправы через реки вброд, вплавь, длинные форсированные марши, марши ночью, маневры и частые тревоги приучали суворовских солдат к трудностям походной и боевой жизни. Напряженные учения во всякое время дня, на пересеченной местности, в любую погоду, — все это проделывалось живо и интересно. В результате суворовские войска не имели себе равных.

В 1765 г. Суздальский полк, которым командовал Суворов, на маневрах отличился такой быстротой движения, что был включен в состав легкого рекогносцировочного корпуса. Через 20 лет, командуя войсками в Кременчуге, он на смотре Екатерине II и иноземным гостям представил войска в таком блестящем виде, так хорошо выполняющими все движения и действия, что привел всех присутствующих в восхищение.

О Суворове заговорили во всей Европе не только как о знаменитом полководце, но и как большом мастере воспитания и обучения войск.

Когда австрийский генерал Крейц выразил изумление уменью Суворова поднимать свои войска на новые подвиги, он ответил:

— Безделица. Люби солдата, и он будет любить тебя, — в этом вся тайна.

В результате войска, прошедшие суворовскую школу воспитания, отличались безграничным упорством. В самых трудных условиях не только никогда не падали духом, но не допускали и мысли, что могут не победить врага.

Всячески развивая храбрость, Суворов требовал, особенно со стороны офицеров и генералов, знаний. «Надо бить умением, а не числом», говорил он, В одном из своих приказов он поясняет: «Хотя храбрость, бодрость и мужество всюду и при всех случаях потребны, токмо тщетны они, ежели не будут истекать из искусства».

Генералам рекомендовал заниматься науками, постоянным чтением изощрять свой ум. «Хорошенько перечитайте, — советовал он, — действия великих полководцев...

Хорошо обучайте солдат, но подавайте им в этом пример на самом себе. Только непрестанное изощрение глазомера сделает вас великим генералом».

В другом месте Суворов рекомендует: «Возьми себе в образец героя древних времен, наблюдай его, иди за ним вслед, поравняйся, обгони... Слава тебе».

Сам он не удовлетворялся одним героем, брал полезное от всех великих полководцев. Заслужив огромную славу, он никогда не кичился ею. В 1796 г., будучи 67-летним стариком, имея за плечами 40 лет боевого опыта, Суворов зорко следит за действиями 27-летнего Наполеона, Он сразу в нем определяет крупного полководца: «Широко шагает мальчик», а солдатам говорит: «Французы воют колоннами, а если нам придется с ними драться, мы их будем бить тоже колоннами». Будучи самобытным, совершенно не поддающимся влиянию прусской муштры, за которую так цепко ухватился Павел, видя в ней вред, он не гнушается перенимать от 27-летнего Наполеона, тогда ещё делавшего свои первые шаги, все полезное для боя. Всю жизнь напряженно учился сам, требовал прилежного учения и со стороны подчиненных.

Тактические правила Суворова прекрасно понимались всеми его солдатами.

«Штыки, быстрота, внезапность — вот наши вожди», говорил Суворов.

«Неприятель думает, что ты за сто, за двести верст, а ты, удвоив, утроив шаг богатырский, нагрянь на него быстро, внезапно».

«Неприятель поет, гуляет, ждет тебя с чистого поля, а ты из-за гор крутых, из-за лесов дремучих налети на него, как снег на голову, рази, тесни, опрокинь, бей, гони, не давай опомниться: кто испуган, тот побежден наполовину; у страха глаз больше: один за десятерых покажется».

«Береги пулю на три дня, береги на целую неделю, если негде взять, стреляй редко, да метко, а штыком коли крепко».

Но он не забывал значения огня. Не раз говорил: «Пехотные огни открывают победу; штык скальвает буйно пролезших в каре; сабля и дротик победу погоню до конца довершают». Обучал колонны поддержке перекрестным огнем.

«Никогда не презирайте вашего неприятеля, каков бы он ни был, и хорошо узнавайте его оружие, образ действия им, свои силы и его слабости».

«Военные обстоятельства мгновенно переменяются; по-сему делу для них нет никогда верного плана... Фортуна имеет голый затылок, а на лбу длинные висающие власы. Лет ее молниен. Не схвати за власы — уже она не возвратится».

Суворов не любил обороны. Когда он был вынужден к этому, он решал оборонительные задачи наступательно.

«Шаг назад — смерть», говорил он, «вперед два, три, десять — позволю».

Об отступлении и слышать не хотел. Слою «ретирада» произносил с насмешкой, часто на немецком языке, уверяя, что на русском языке нет даже соответствующего понятия.

«Слух, взоры и души своих воинов я предостерегал от всякого вида отступления», говорил Суворов.

Прибыв в Польшу в 1794 г., Суворов объединил под своей командой разрозненные отряды войск. Немедленно же было разослано его наставление «Наука побеждать», с тем чтобы офицеры и унтер-офицеры изучили ее наизусть, а солдатам читали ежедневно. В этой «Науке побеждать» Суворов изложил отрывочными фразами, пламенным языком основные его правила воспитания и обучения войск.

«Наука побеждать» пришлась по сердцу настолько, что некоторые афоризмы ее обратились в военные поговорки и многие дожили до наших дней.

«Ученье — свет. Неученье — тьма. Дело мастера боится. И крестьянин не умеет сохою владеть — хлеб не родится. За ученого трех неученых дают. Нам мало трех, давай нам шесть, давай десять за одного. Всех побьем, повалим, в полон возьмем».

«Три воинские искусства: первое — глазомер, как в лагерь стать, как итти, где атаковать, гнать, бить. Второе — быстрота. Третье — натиск».

«Атака в середину невыгодна, разве конница хорошо рубить будет, а иначе сами сожмут».

«Атака в тыл очень хороша только для небольшого корпуса, а армиею заходить тяжело».

«Быстрота и внезапность заменяют число».

«Удары делать простые, а паче поспешные и храбрые».

«В бою надобно стремиться к одной точке и забыть о ретираде».

«Бить стремительно... Движения быстрые... Жестокая атака... Сшибка... Погоня... Твердость».

«Истинное правило военного искусства — прямо напасть на противника с самой чувствительной для него стороны,

а не сходитья, робко пробираясь окольными дорогами, через что самая атака делается многосложною, тогда как дело может быть решено только прямым смелым наступлением», и т. д.

Заканчивалось это поучение возвышенными словами: «Субординация, экзерциция, дисциплина, чистота, здоровье, опрятность, бодрость, смелость, храбрость, победа.

Слава, слава, слава».

При этом все знали, что в устах Суворова это не бахвальство, а именно то, во что он верит сам и что в его руках приносит победу...

«Мне солдат дороже себя», говорил Суворов, и все это хорошо знали. Солдаты чувствовали заботу Суворова о себе и платили ему искренней преданностью.

Ни один полководец в прошлом не пользовался такой любовью у своих войск, как Суворов; об этом говорят его дела. Иначе вряд ли прорвался бы русский штык через снежные вершины Альп, вряд ли был бы пройден Чортов мост и отброшены французы, преградившие все проходы на путях движения русских.

Ключ суворовских побед — в лучшем обучении войск и в неразрывной связи полководца с массами, в глубоком понимании всеми подчиненными своего вождя и доверии к нему.

СУВОРОВ — ВЕЛИКИЙ ПОЛКОВОДЕЦ

От первого боевого крещения Суворова в Семилетней войне и до последнего, завершающего всю его боевую деятельность Швейцарского похода прошло 40 лет. За эти годы Суворов выполнял разные роли от начальника небольшой разведывательной партии до главнокомандующего армией, участвовал в бесконечном количестве сражений и не имел ни одного поражения. При этом часто побеждал с меньшими силами большие, что не всегда удавалось Наполеону.

Современники Суворова, из числа многочисленных его завистников, объясняли эти победы счастьем.

Суворов совершенно резонно отвечал: «Сегодня счастье, завтра счастье. Надобно же когда-нибудь и уменье».

И вот, несмотря на то, что он, не в пример многим великим полководцам, «баталии не проигрывал», за ним на протяжении долгого времени не хотели признавать этого уменья.

Мнение Наполеона о Суворове выражено в следующих словах:

«Маршал Суворов имел душу великого генерала, но не имел его головы. Он был одарен сильною волею, большою деятельностью и непреложною неустрашимостью, но он не обладал ни гением, ни знанием военного искусства... Действовал без плана и расчета...»

Нужно ли говорить, что Наполеон в этом случае впал в непростительную ошибку.. Суворов, следя за итальянской кампанией 1796 г., лучше оценил Наполеона и затем всю свою жизнь горел желанием померяться с ним силами. Как сильно возросло бы его желание, если бы Суворову удалось дожить до тех дней, когда Наполеону пришлось в голову выразить такое мнение о Суворове.

Клаузевиц также неосновательно говорит, что военное образование Суворова весьма сомнительно.

Что же касается мнения соотечественников, то Суворов сам о них говорил: «Не разумея изгибов лести и ласкательств, моим сверстникам часто я был не угоден».

Однако, Суворов знал себе цену и мало заботился о том, что о нем думают другие.

Когда Павел I начал вводить в русскую армию прусские порядки, Суворов говорил: «Русские прусских всегда бивали, чего же тут перенять... Я лучше покойного короля (Фридриха II). Я милостию божиею баталии не проигрывал».

В другом месте, когда выразили желание составить его биографию, Суворов сказал: «Не трудитесь, я сам себя раскрою: цари меня хвалили, солдаты любили, друзья мне удивлялись, враги меня ругали, придворные надо мной смеялись. Езопом являясь при дворах, побасенками говорил я правду, был Балакиревым¹ для пользы отечества и пел петухом, пробуждая сонливых, а родился я Цезарем, — я был бы горд, как он, но удержался бы от его пороков».

В 1794 г. Суворов писал подполковнику графу Фибрициани: «Я всегда был бережлив и трудолюбив с драгоценнейшим на земле сокровищем — с временем, как на обширном поле деятельности, так и в жизни уединения, которым везде умел пользоваться».

Предначертания, обдуманые с большим напряжением и исполненные с еще большею энергией, нередко с упорством и отчасти с крайним и неотлагательным пользованием непостоянным временем, — все это, облеченное в свойственную мне форму, часто доставляло мне победу, над изменчивою богинею счастья».

Не было, конечно, и недостатка, в поклонниках у Суворова. Нельсон, знаменитый адмирал Англии, гордился тем, что в нем его соотечественники находили сходство с Суворовым.

Лорд Клинтон отзывался о нем так: «Сейчас выхожу я из учнейшей военной академии, где происходили рассуждения о военном искусстве, о Ганнибале, Цезаре, давались замечания на ошибки Тюррениа, принца Евгения; говорили о нашем Мольборуке, о штыке и пр. и пр. Вы верно хотите знать, где эта академия, и кто профессоры? Угадайте. Я обедал у Суворова».

Большая начитанность, острота языка, изумительная память давали возможность Суворову короткими фразами,

¹ Шут Петра I.

образным языком в маленькой беседе обнимать огромную сумму вопросов.

Слушая его разговор, итальянский поэт восторженно произнес: «Воображение мое переселило меня в шатер Агамемнона, где сижу в совете греческих полководцев и как будто вижу падение Трои и торжество Эллады».

На это Суворов ответил: «Я давно знал Гомера. Но скорее познакомил меня с ним на природном нашем языке приятель мой Ермил Иванович Костров. Люблю Гомера, но не люблю десятилетней троянской осады. Какая медлительность, сколько бед для Греции! Не хочу быть Агамемноном, я бы не поссорился с быстроногим Ахиллесом. Люблю друга Патрокла за его быстроту; где он появится, там врага нет. И Оссиан, мой спутник, меня воспаляет. Я вижу и слышу Фингала в тумане, на высокой скале сидящего и говорящего: Оскар, одолевай силу в оружии; щади слабую руку».

Честь и слава певцам. Они мужают нас и делают творцами общих благ».

Таков был Суворов. Изучение исторических документов устанавливает, что план Суворова в итальянскую кампанию целиком совпадает с планом Наполеона, с той лишь разницей, что Наполеон свои идеи выразил после событий, а Суворов — до них.

Везде, где появлялся Суворов, падали вековые твердыни, бежал противник.

В последнее десятилетие XVIII в. и в Турции и в Польше было строжайше запрещено говорить войскам и народу, что это тот самый Суворов, который бил конфедератов и турок в 1772 г.; было приказано распускать молву, что это только однофамилец, а прежний знаменитый Суворов давно погиб от полученных им ран.

Такой страх вселяло в ряды врагов одно имя Суворова.

Глазомер Суворова и стратегический гений его выразились при первом крупном столкновении, в котором участвовал Суворов, — после победы над Фридрихом II под Куннерсдорфом. «На месте главнокомандующего я бы немедленно пошел на Берлин», говорил Суворов.

В Турецкой войне 1789 г. он не раз предлагал Потемкину смелым переходом через Дунай, прямо на Константинополь, в кратчайший срок покончить с турками.

Герой Кинбурна, Фокшан, Рымника, Измаила, Праги, Треббии, Нови, Сен-Готарда и других мест, на протяжении сорока лет боевой деятельности Суворов доставил бессмертную славу русскому оружию.

Прошло 138 лет со дня его смерти, но мы и сейчас можем гордиться его славой. Он оставил в наследство русскому народу таких полководцев, какими были его ученики Кутузов и Багратион. Суворовские ученики в 1812 г., защищая родную страну от вражеского нашествия, показали смелому Наполеону, как нужно бить врага.

Простота в обращении, любовь к солдатам и неустанные о них заботы, краткая, но искрометная сила его речи, труженический и причудливый образ его жизни, страсть к военной службе, исполнительность, преданность родине — все это делало Суворова неограниченным властелином над подчиненными ему войсками.

Тысячеверстные походы, непроходимые болота, неприступные горы, высота крепостных стен и глубина рвов не были преградами для суворовских бойцов. Поэтому мы можем смело поставить имя Суворова рядом с именами величайших полководцев всей мировой истории.

За те полторы сотни лет, которые отделяют нас от Суворова, изменилась экономика, изменилось вооружение, организация армии не та, что была при Суворове, способы ведения боя также в корне изменились. Но в наши дни, как и прежде, нужна беззаветная храбрость, настойчивость и упорство в достижении поставленной цели. Преданность социалистической родине, забота о человеке-бойце и неустанная работа над собой на благо отечеству — все эти качества ныне так же дороги, как и прежде.

Хочется закончить свое повествование пророческими словами современника суворовских дней, первого крупного русского поэта Державина:

Как шум морей, как гул воздушных споров,
Из дола в дол. с холма на холм,
Из дебри в дебрь, от рода в род,
Прокатится, пройдет,
Промчится, прозвучит
И в вечность возвестит,
Кто был Суворов:
По браням — Александр, по доблести — стоик.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр.
<i>Введение</i>	
Россия XVIII века	3
Детство и юность Суворова	6
Первые подвиги	9
Поход в Польшу	13
Суворов в войне с Турцией 1773 — 1774 гг	18
Кинбурн	22
Фокшаны	26
Рымник	30
Измаил	36
Второй поход в Польшу	45
Суворов в опале	50
Суворов в Италии	53
Швейцарский поход	66
Суворовская система воспитания и обучения	76
Суворов - великий полководец	82

Редактор майор *Подорожный*
 Тех. редакторы *Михайлов, Лукашин*
 Корректоры: *Шабанова и Клецкая*

Сдано в производство 1.8.38
 Подписано к печати 5.9.38

Формат бумаги 84X103/32
 Объем 6¹/₂ печ. л., ³/₈ п. л. вкл., 4,5 уч.-авт. л.
 В бумажном листе 146.432 знака
 Уполн. Главлита № Г—9777
 Издательский № 421. Заказ № 3212

Текст отпечатан на бумаге Камской ф-ки

Адрес изд-ва: Москва, Орликов пер., д. 3

Набрано в 1-й типографии
 Государственного военного изд-ва НКО СССР
 Москва, ул. Скворцова-Степанова, д. 3

Отпечатано с матриц
 во 2-й типографии
 Государственного военного изд-ва НКО СССР
 им. К. Ворошилова.
 Ленинград, ул. Герцена, д. 1.

ИТАЛЬЯНСКИЙ И ШВЕЙЦАРСКИЙ ПОХОДЫ СУВОРОВА (1799 г.)

Масштаб 1:250 000
 0 25 50 75 км

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ:

- Русские и австрийцы
- Французы
- Предполагаемое направление движения французских войск

